

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

Плата за свободу

УРАЛЬСКИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Геннадий Мурзин

Плата за свободу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18575142

ISBN 9785447480936

Аннотация

«Плата за свободу» – это четвертая книга из авторского цикла «Уральский криминальный роман». И, конечно, вновь в основе произведения необычные, почти нереальные криминальные истории. Как и в предыдущем произведении «Без вести пропавший», в новой книге все происходящее, то есть описываемое, захватывает дух. Здесь и честь с бесчестьем соседствует, и чистота помыслов уживается с подлостью или предательством, то есть жизнь как она есть, без ретуши и глянца.

Содержание

Глава 1. Зануда	7
Глава 2. Рыболовы	42
Глава 3. Депутат	85
Глава 4. Начальство	111
Глава 5. Старожил	151
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Плата за свободу
Уральский
криминальный роман
Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детективный роман «Плата за свободу» – это предпоследняя книга из авторского цикла «Уральский криминальный роман». Прежде опубликованы отдельными книгами «Псы одичалые», «Кровопийца», «Без вести пропавший». Автор будет рад, если читатели любым способом выразят свое отношение к этой книге.

Глава 1. Зануда

1

Генерал-лейтенант Краснов стоял у окна своего кабинета и, задумавшись о чем-то своем, глядел на Главный проспект Екатеринбурга, по которому гуляли разноцветные всполохи света от новогодней елки, установленной на площади. Он, тяжело вздохнув, чертыхнулся и вернулся за свой рабочий стол, который, по словам старожилов, многих своих хозяев повидал на протяжении длинного своего существования.

Он присел в кожаное кресло с высокой спинкой, придвинул папку с бумагами, раскрыл ее, чтобы просмотреть и подписать срочные документы. Он по обыкновению это делал лишь тогда, когда собирался со службы домой. Именно вечером, а не утром. Почему? Привычка, с одной стороны. С другой же стороны, имелся у него и «шкурный» интерес. Разного рода бумаги, которые ему приходится просматривать ежедневно, редко радуют. Наоборот, больше раздражают и обычно приводят в дурное расположение духа. А потому он не хочет начинать рабочий день с этой, как он выражается, «тягомотины».

Взяв первую попавшуюся бумагу, поморщился, из-за чего на круглом и все еще моложавом лице образовались два глубоких овражка.

– Так и знал! – пробурчал генерал вслух, хотя в кабинете он был один.

У него в руках – рапорт зама, курирующего уголовный розыск, Воробьева, который докладывал, что один из его коллег по ведомству три дня назад, будучи на дежурстве, хорошо нажрался (очевидно, из-за скуки), поехал в таком виде домой на трамвае и там учинил дебош с кем-то из пассажиров. Он был в штатском. Вызвали наряд полиции. Обоих задержали и доставили в дежурную часть Кировского районного управления полиции. Через полчаса задержанных, естественно, выпустили, но по начальству доложили о происшествии.

– Вот стервец, а!?! – проворчал генерал по адресу виновника и отодвинул рапорт в сторону, не желая в данный момент принимать решение. Сгоряча, как он считает, такие решения не принимаются; тут нужен холодный рассудок. – Утро вечера мудренее...

Краснов взялся за другую бумагу, лежавшую сверху, но в это время отворилась дверь, и вошел генерал Чайковский.

– Извините, Николай Ильич, что не сразу...

Хозяин кабинета не дал ему договорить.

– Присаживайся! – сказал Краснов и показал рукой на один из стоявших возле стола мягких стульев. – Ничего, Павел Павлович, не к спеху, – он с видимой радостью захлопнул папку с бумагами и отодвинул на край стола. – Понима-

ешь, решил потолковать по одному чрезвычайно неприятному для всех нас дельцу... Обсудить... Можно сказать, устроить мини-мини военный совет.

Чайковский встревожился:

– Еще одна неприятность? Сегодня?

Краснов усмехнулся.

– Еще какая, причем, бородатенькая.

– А именно?

Краснов не стал отвечать на заданный вопрос своего заместителя, а вместо этого сам спросил:

– Помнишь, как с тобой в паре раскручивали одно дельце, а?.. Сколько с той поры воды утекло?.. Были молодцами, а сейчас... Седина, как говорится, в бороду – у обоих.

– Потерей памяти не страдаю, – ответил Чайковский, не понимая, с чего хозяина кабинета вдруг потянуло в сторону ностальгии.

– Это сколько же прошло?

– Двадцать четыре года, – тут же ответил Чайковский.

– Как молоды мы были... – ужасно фальшивя, пропел Краснов. – Согласись, тогда с тобой славненько поработали. И оба схлопотали первые свои поощрения по службе.

– Не смею спорить, – осторожно произнес Чайковский, понимая, что заход шефа издалека – совсем не к добру.

Краснов с прищуром посмотрел на собеседника и откинулся на спинку кресла.

– Судьба, видно, что через столько лет мы опять в паре.

– Как вы, Николай Ильич, но я искренне рад этому. У нас ходили слухи, что назначат... Я и фамилию не хочу называть... Слава Богу, что...

– Знаю-знаю, Павел Павлович! Но, признайся, Павел Павлович, в главном управлении далеко не все были в восторге и от моего назначения, не так ли?

– Про других ничего не знаю, но что касается меня, то я отнесся спокойно, ровно, не проявив ни восторга, ни уныния или тревоги.

– Спасибо за откровенность.

– Откровенность – это мое несчастье, Николай Ильич.

– Ну, будет... Зачем же так-то?

– За плечами – немалый горький опыт. Ваш предшественник сначала тоже подхваливал меня за откровенность суждений. Потом стал говорить везде, что я его подсиживаю, что мечу на его место. С маниакальной настойчивостью распространял слухи. Я, конечно, говорил ему, что...

– Что подсиживаешь? – Краснов, улыбаясь, смотрел ему в глаза.

– Об этом, – Чайковский шутку не принял, – у меня и в мыслях не было. Просто: с глазу на глаз говорил откровенно все, что думаю, по тем или иным его шагам. Одно из последних моих откровений...

– Ну-ка, очень интересно, – Краснов улыбался.

– Я сказал ему, что не стоит вступать в какие-либо контакты с ОПС «Уралмаш», точнее – с его лидерами.

– И что же?

– Краевский еще больше озлился. Он сказал, чтобы я не лез не в свои дела... Больше не откровенничал.

– Понятно. Хочешь и я отвечу откровенностью на откровенность?

– Как хотите, – пожав плечами, ответил Чайковский.

– Когда мне предложили эту должность, то я не сразу согласился...

– Почему?

– Я знал, что встретят меня в главном управлении, по меньшей мере, настороженно.

– Почему?

– Причина одна: между нашими ведомствами всегда существовала незримая черта.

– А я считал, что мы с вами из одного ведомства – МВД.

– Хм... Теоретически, это так. Однако на практике территориальная полиция всегда ревниво относилась к нам, транспортникам. Так было всегда... Своего рода, конкуренция.

Чайковский возразил:

– Вы преувеличиваете. Лично я ничего подобного не замечал.

– Ну, не надо, Павел Павлович. Вы при первом же удобном случае нам, как говорится, подкладывали жирнющую свинью.

– Повторяю: я таких фактов не знаю.

Тут Чайковский сказал неправду: он, проработавший

столько лет в территориальных органах, не раз сталкивался с неким противодействием, неким недоверием территориальной полиции к транспортной. Конечно, все это сказывалось не на официальном, а больше на личностном уровне. Но тем не менее... Начальник Среднеуральского управления внутренних дел на транспорте ревниво следил за успехами и неудачами своих коллег в области. И, наоборот.

Краснов сказал:

– Два года назад, например, ОБЭП из главного управления, фактически, спровоцировал на получение взятки старшим лейтенантом полиции аэропорта «Кольцово»... Нет, это был далеко, как говорится, не дружественный шаг.

– Разве самого факта преступления не было?

– Не спорю: факт имел место. Подонком, конечно, оказался старший лейтенант. Однако я тогда, как говорится, озлился не на это, а на то, как все было сделано. Извини, подянку нам подложили. Можно было и иначе то же самое сделать.

– Каким образом?

– Могли совместно провести операцию... Могли нам сказать, поделиться оперативной информацией. Так, нет же! Втихаря, как говорится, провернули. И мне позвонили лишь тогда, когда парень был задержан. Позвонили, а в голосе-то что? Еле скрываемое злорадство.

– Возможно, вы и правы. Не исключено, что наши люди нарушили этические нормы. Но не думаю, что со зла.

– А, ладно, Павел Павлович: кто старое помянет, тому

глаз вон.

Чайковский усмехнулся.

– У этой поговорки, как говорит мой друг, есть и продолжение.

– Какое?

– А кто забудет старое, тому – оба глаза вон.

Краснов рассмеялся.

– Павел Павлович, будешь кофе?

– Не откажусь.

– Сейчас скажу секретарю, чтобы приготовила.

Он вышел в приемную и тотчас же вернулся, а через пару минут вошла секретарша с подносом и двумя дымящимися чашечками кофе на нем.

– Я, наверное, не оригинален, но скажу: люблю кофе, особенно черный и особенно крепкий. Знаешь, жизненные силы, как говорится, удваивает, настроение поднимает, – хозяин кабинета сделал пару глотков и поставил чашечку на стол. – Кстати, ты, наверное, торопишься? Домой?

– Да... Не очень...

– Извини... За болтовней забыл о главном.

Генерал Краснов покривил душой: он ничего не забыл, никогда не забывал, особенно, если речь шла действительно о деле.

– Внимательно слушаю, – откликнулся генерал Чайковский и достал из нагрудного кармана крохотную записную книжку и столь же крохотную ручку.

– Понимаешь, сегодня звонил заместитель министра... Выразил, как говорится, недовольство, что мы до сих пор, как он выразился, «не чешемся»... В общем, я с ним согласен. Надо что-то делать...

– О чем речь?

– Ты эту историю знаешь. Полтора года назад Промышленный районный суд Нижнего Тагила освободил из-под стражи под залог в семьдесят тысяч рублей лидера тамошнего преступного мира Курдюкова. Ну, а он, естественно, сделал нам, как говорится, ручкой и скрылся в неизвестном направлении. Объявлен в розыск... Впрочем, ты сам знаешь... какой у нас этот самый «розыск»... Так вот... Крепенько лопухнулись. Надо как-то выкручиваться.

– Собственно, нашей вины тут нет. Я даже подумать не мог, что такого особо опасного рецидивиста суд отпустит под залог.

– И все же обязаны были предусмотреть и этот, хотя маловероятный, вариант. Курдюков – не дурак. Но ведь и мы тоже не лыком шиты. Как говорится, не первый день замужем. Не мне говорить и не тебе слушать, как в таких случаях следует поступать.

– Николай Ильич, вы хотите сказать, что там же, в зале суда его следовало вновь задержать?

– Конечно! Под любым предлогом.

– Ну... не знаю... Для нового задержания нужны новые основания.

– Их следовало иметь... Растерялись, короче!

– То, что местная полиция растерялась от столь неожиданного решения суда, – факт.

– Значит, и ты согласен?

Чайковский кивнул.

– Допустим, не нашли сразу повод для задержания. Однако глаз с него не должны были спускать. Куда бы он делся? Человек, а не иглолка... Судья, конечно, хорош. А мы? Ничуть не лучше.

– Я вот о чем подумал, Павел Павлович: не пошуровать ли, как говорится, нам самим хорошенько в Нижнем Тагиле, а?

– Насколько мне известно, там, как вы выразились, «шуровали»...

– Да, но результата же никакого.

– Почему вы думаете, что сейчас результат будет?

– Я склонен полагать: отсутствие результата – это следствие недостаточной квалификации местных сыщиков, их неопытности.

– Если речь идет о сыщиках, то тут все карты в руки генералу Воробьеву. Я же, как вам известно, курирую следствие. Краснов рассмеялся.

– Ты думаешь, что я ошибочно советуюсь с тобой?

– Конечно.

– Совсем нет, Павел Павлович! И объясню, почему. Я тут подумал: не поручить ли проведение оперативно-розыскных

мероприятий подполковнику Фомину...

– Все равно... – со всей решительностью сказал Чайковский.

Краснов в ответ недовольно покачал головой.

– Нет, не все равно! Я советуюсь с тобой потому, что вы друзья, давние друзья. Ты Фомина знаешь очень хорошо. Как думаешь, он справится?

– Если вам интересно мое мнение, то я скажу так: подполковник Фомин сделает все, что будет от него зависеть. На него можно положиться – это точно.

– Ты так считаешь?

– Абсолютно!

– Да, но, рассказывают, он склонен ко всякого рода, мягко говоря, странным поступкам. Мужик, как говорится, проблемный.

– В этом есть доля правды: его иногда заносит на поворотах. Но зато исключительно честный, вьедливый, настырный, упрямый сыщик. Если ухватится, то из его цепких рук уже не вывернуться никому. У него и еще есть одно важное качество: голова хорошо соображает. Умеет думать, а это не всякому сыщику дано.

– Мне с ним не приходилось сталкиваться, но я почему-то остановил свой выбор именно на нем.

– Вы сделали правильный выбор. Только разрешите, Николай Ильич, дать вам один маленький совет?

– Ради Бога, Павел Павлович! Для этого, как говорится,

и военный совет.

– Не сковывайте его инициативы. Он страсть как не любит опеку. А также предоставьте ему соответствующие полномочия, в том числе и по комплектованию бригады сыщиков. Доверьтесь ему, и он вас не подведет.

– Я подумаю.

– Разрешите идти? – Чайковский встал.

– Конечно, – задумавшись о чем-то и вертя в руках ручку, ответил Краснов.

Чайковский дошел до двери, но, что-то вспомнив, вернулся.

– Николай Ильич, можно личную просьбу?

– Насчет Фомина?

– Да, нет. Говорю: просьба личная.

– Слушаю.

– Разрешите послезавтра на весь день отлучиться?

– Не понял. У тебя же в это воскресенье выходной.

– Да, но... Я весь день буду находиться там, где со мной не будет возможности связаться.

– А сотовый?

– Я, – Чайковский махнул рукой, – не очень-то доверяю подобным штучкам.

– Куда-то едешь? На природу?

– Так точно! С другом решил провести первый день нового года, нового века и нового тысячелетия на пруду, на рыбалке.

– Ты что-то путаешь. Насколько я знаю, все названные тобой события давно уже наступили. Ты изрядно опоздал.

– Я имею в виду православный календарь. А по нему новый год наступит только послезавтра.

Краснов вновь рассмеялся.

– Ничего не поделаешь... Странные мы, русские, люди. У нас все не как у всех. Мы даже новый год отмечаем дважды.

– Так...

– Разумеется, поезжай. Без проблем!

2

В нескольких километрах от южных окраин Нижнего Тагила есть сосновый бор, сохранившийся в своем первозданном виде. Эти места издавна облюбованы горожанами. Есть небольшой поселок Старатель с одноименной небольшой станцией. А на некогда запущенных и заболоченных пустырях (слева от станционных путей) обосновались садоводы и огородники со своими грядками и насаждениями. Справа же, где ландшафт делает крутой подъем, в окружении вековых сосен видны корпуса больничного комплекса местных железнодорожников, построенного с большим трудом на заре перестройки. Если углубиться в лес чуть-чуть дальше и выше, то можно натолкнуться на двухэтажное кирпичное здание, стоящее несколько особняком. Территория во-

круг здания обнесена высоким, в два с половиной метра, забором из металлических прутьев. Ворота главного въезда на территорию открываются и закрываются автоматически. В будке – круглосуточная охрана. По вечерам это здание подсвечивается со всех сторон, но особенно сверкает разноцветным неоном фасад и уже издали можно прочесть: ночной клуб-бар «СТАРАТЕЛЬ». Обслуживающий персонал – исключительно горожане. Местных жителей не берут даже на уборку территории. У них, то есть у местных жителей, нет никаких шансов и попасть внутрь, хотя бы в качестве гостей. Поначалу, конечно, такие попытки предпринимались, но все безуспешно. Их встречает всегда один ответ: извините, свободных мест нет. Ясно: клуб для элиты, для нуворишей.

Так что местные дальше сторожевой будки и не бывали. Однако кому-то из них это не помешало послать анонимку: кайфуют, мол, здесь новые русские, а налоги заведение на-верняка не платит.

Это случилось прошлым летом.

Налоговая служба Нижнего Тагила отнеслась к сообщению заинтересованно. На сигнал отреагировала.

Первый взгляд – в имеющиеся отчеты и регистрационные документы. Да, такой ночной клуб имеется на учете, но ни о каком кайфе речи быть не может, поскольку по отчетным данным фирма терпит убытки, которые покрывают учредители. Занижают доходы? Вполне возможно. Поэтому решили нагрянуть с проверкой внезапно.

Приехали субботним вечером. И что увидели? Конечно, инспекторов поразила роскошь. Зал выглядел потрясающе. Особенно боковые ниши, в каждой из которых имелся индивидуальный камин с потрескивающими натуральными березовыми поленьями, с глубокими креслами и бронзовыми столиками. Они оценили по достоинству эти зоны отдыха еще и потому, что они могли в одну секунду отделиться от зала довольно плотно задвигающимися шторами. В клубе был один бармен за стойкой (он же и оказался исполнительным директором, то есть руководителем предприятия). Звучала тихая музыка и две, прижавшиеся друг к другу, танцующие пары.

Бармен-директор выложил по первому требованию все документы. Инспекторы сняли показания с кассового аппарата, сверили полученные данные с теми, которые имелись в кассовой книге, где регистрировались ежедневные доходы. Никаких расхождений. Все, как надо. Нарушений не обнаружено.

Разумеется, спросили: зачем содержать убыточное предприятие? Директор сказал, что, по всей видимости, учредители рассчитывали иметь хорошие доходы, но, увы... Учредители полагали, что людей привлечет свежий воздух, уединение и тишина, что ради этого не станут скупиться. Не получилось... Пока. Но учредители не теряют надежды, что огромные затраты окупятся позднее. Когда наступит стабилизация и начнется экономический рост, когда доходы насе-

ления позволят гражданам не только достойно зарабатывать, но и достойно отдыхать, развлекаться.

Не застал врасплох исполнительного директора и последний вопрос: откуда у учредителей деньги на покрытие убытков ночного клуба? Он сказал, что точно не знает, так как чужие деньги не считает, но предполагает, что убытки покрываются за счет других успешно работающих фирм.

Проверяющие, уезжая, увозили с собой акт внезапной проверки, в котором значилось: на момент проверки суточный доход ночного клуба составил 826 рублей 44 копейки; плюс выручка, которая будет получена от двух на момент проверки отдыхающих пар, которым счет еще не был выставлен, поэтому и не был, соответственно, оплачен.

Анонимка, по мнению налоговых инспекторов, оказалась плодом больного воображения завистника. И на том поставили точку, а анонимку списали в архив.

3

...К воротам ночного клуба подъехали три иномарки серебристого цвета и с затененными стеклами. Ворота тотчас же раздвинулись, пропуская приехавших. Значит, охрана была заранее предупреждена или знала машины по номерам. Из первой вышли два верзилы в камуфляжной форме и с руками в карманах. Из замыкавшей кортеж машины вывалились точно такие же парни. И только потом появились

четверо мужчин из шедшей в середине машины.

На крыльце появился молодой щеголеватый мужчина. Завидев его, один из приехавших гостеприимно сказал:

– Добро пожаловать, господа! Рад буду принять!..

Коренастый детина, смахивающий и фигурой, и лицом на оскалившегося бульдога, прошипел:

– Ты че, в натуре?! Кончай корчить из себя хозяина. Мы здесь такие же гости, как и ты, ясно?! – он повернулся к другим. – Слышали, че, б... ть, несет, а? Мне, братаны, это не нравится.

Один из них, похлопав бульдожьего обличья мужичка по спине, примиряюще сказал:

– Ссориться сюда приехали или как? Не цепляйся к «Спиридону»... Чего звереешь? Он ничего обидного не сказал – ни для нас, ни для тебя.

«Спиридон» заметил:

– Я тоже ничего не понял, «Шило»...

– А!.. Ну, и х...й с вами! – «Шило», зло сплюнув на снег, отошел в сторону.

Они направились к парадному входу, где их поджидал, ёжась на ветру, исполнительный директор.

4

Перерыл на антресолях все и уже несколько раз, но искомого не нашел.

– Вот, черт! И куда запропастились?.. И что за квартира, в которой никогда и ничего нельзя найти?

Из гостиной послышался голос жены.

– Саш, ты что там шуршишь? Что-то потерял? Иди сюда... Титры уже... Скоро появится твой любимец, Юрий Яковлев.

– Да... – неопределенно откликнулся муж, продолжая шуршать свертками.

Жена вышла в прихожую. Глядя на сосредоточенное лицо мужа, которое было таким всякий раз, когда тот решал сложнейшую задачу, с улыбкой и очевидным подколом спросила:

– Ты что, сыщик, ищешь? Улики или вещдоки?

– Еще и шутит, – пробурчал муж. – Нет, чтобы помочь любимому человеку?

– Любимому? – выразив на лице удивление, переспросила жена.

– Разве нет?

– А кто тебе сказал, что да?

– Ну, это ясно и без слов. Любовь – это такая штука, которую не скроешь. Она, ну, любовь, значит, либо есть, либо нет. Третьего, точно, не дано. Кроме того, я мужик, что надо: и кожа, и рожа и все прочее при мне.

Жена, фыркнув, рассмеялась.

– Ты у меня от скромности не умрешь, – и тут жена увидела в углу прихожей рюкзак и рыбацкий ящик. – Ты что?

– Что «что»? Выражайся, голубушка, яснее. Научись фор-

мулировать мысль.

– Не придуривайся. Ты куда наострился?

– Понятно, куда: на рыбалку.

– Сейчас?!

– Не совсем...

– То есть?

– Послезавтра... Мы решили провести первый день тысячелетия на льду озера.

– Кто эти «мы»?

– Ну... Мы – это мы.

– Не увиливай! А иначе придется принять меры.

– Ну, значит, я и мой друг.

– А если точнее?

– Ну, значит, я и мой генерал.

– Ха-ха-ха, – заливисто рассмеялась жена. – Вот умора!

– Ты чего так смеешься, а? – муж, обернувшись, строго смотрел на жену. – Смех, не имеющий под собой почвы, – это ненормально.

Жена продолжала смеяться.

– Твой генерал, говоришь?

– Да, а что?

– Он твой?! Ты его, что, приватизировал?!

– Так говорит преданный солдат про своего любимого командира.

– Понятно... Идем. Кино уже началось.

– Нет-нет, сначала дело, а потом уже развлечения.

– Успеешь... Завтра соберешься.

– Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

– Фи! Какая банальность.

– В твоих устах, возможно, эта фраза и может прозвучать как банальность.

– Ты на что намекаешь, муженек?

– Я – не намекаю, я – говорю... Любая, самая затасканная фраза в моих устах звучит по-новому – свежо и оригинально.

– Это еще почему, дружочек? – в голосе жены еще явственнее зазвучали иронические нотки.

– Потому! Только мне присуще единство слова и дела, а это уже далеко не банальность, это, смело говорю, – уникальность.

– Ты серьезно?

– Серьезнее некуда, боевая подруга моя!

– Да, ты опасно болен, дорогой! У тебя – прогрессирующая мания величия. По тебе психиатр скучает.

– Возможно... А, черт, куда могли деться?

– Ты что, скажи все-таки, столь усердно ищешь?

– Штаны... рыбацкие... стежонные.

– Ватные, что ли?

– Не придуривайся, жена! Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Штаны-то были все в соплях...

– Не в соплях, как ты изволила выразиться, а в специальной слизи, которую выделяет подлещик в момент снятия его

с крючка, то есть в момент наибольшей для подлещика опасности.

– Благодарю за столь научную консультацию. А штаны твои я постирала, высушила и положила в рюкзак.

Жена повернулась и пошла в гостиную, так как краем уха она слышала, что киношные события приблизились к той стадии, когда четверо друзей в канун Нового года уже попарились, хорошо наклюкались, и теперь решают, кому следует лететь в Ленинград.

Муж обернулся, удивленно уставился на безмятежно лежащий на полу рюкзак.

– Да? Надо же! Никогда не догадаешься, куда жена может засунуть нужную вещь. Только ей придет в голову штаны, которые рыбак надевает на себя, спрятать в рюкзаке.

Он специально говорил вслух, чтобы вызвать реакцию супруги. Но та упорно молчала, увлеченная фильмом. Через десять минут к ней присоединился и муж. Он присел рядом с ней на диван, прижал к себе и чмокнул в щечку.

– Ты у меня прелесть.

Жена, не отрывая глаз от экрана телевизора, тотчас же отреагировала.

– А ты у меня чрезвычайно пунктуален и явился...

– Жена! Сколько же раз тебе говорить, что являются только черти в ночь под Рождество.

– И пришел, – поправилась жена, зная, что ее муж страшно не любит глагол «явиться» и производные от него, – точь-

в-точь тогда, когда на сцене должен объявиться твой любитель. . .

– Твоя ирония неуместна, – пробурчал муж. – Герой, которого играет с блеском Юрий Яковлев, положительный во всех отношениях и заслуживает одного – глубочайшего уважения. К такому, как он, любовь не сваливается, как манна небесная; не приходит в результате случайности, глупого совпадения. Он вынужден завоёвывать любовь, отвоёвывать у наглецов, к которым она приходит на блюдечке и с голубой каёмочкой. Его любовь трудна, сложна и требует не только огромных физических усилий, а и приносит массу тяжелейших нравственных страданий.

Жена, выслушав монолог, возразила:

– Сто раз уже это слышала.

– Я вынужден был повторить в сто первый раз, так как к этому меня принудила ты.

– Хорошо... Не мешай смотреть, зануда этакий.

– Вот, видишь? Правда-то глаза колет. И ты ничего другого не нашла, как перейти к прямым оскорблениям.

– Извини, моя лапонька, – жена повернулась и слегка прикоснулась к его губам.

– Сразу бы так-то.

Удовлетворенно сказал муж, ухмыльнулся и уставился в телящик, где история стала приобретать явно угрожающий характер... Угрожающий для его кумира. Он искренне хотел, чтобы каким-то чудом события пошли по друго-

му сценарию. Чтобы нахала, случайно попавшего в квартиру к красивой и одинокой женщине, выставили за дверь, навсегда выставили. Чтобы намеченные ранее планы у невезучего и столь одинокого его кумира непременно сбылись, и они остались вместе с возлюбленной. Иначе, считает он, все происходящее – грандиозная несправедливость.

5

Четверо приехавших в ночной клуб «Старатель» побывали в сауне, искупались в бассейне и только что вернулись, разомлевшие от удовольствия, в довольно просторную и уютно оборудованную мебелью в стиле «ампир» комнату отдыха на втором этаже. В углу приветливо горели, потрескивая, березовые поленья в камине. Неподалеку был накрыт столик с заливной телятиной, краковской колбасой, мясным салатом и хреном, фирменной водочкой московского завода «Кристалл», светлым французским сухим вином.

Их, молча, встретил, стоя у дверей, исполнительный директор ночного клуба.

– Господа, все в порядке? – наконец, спросил он. – Без проблем?

– Будут проблемы – не станет тебя, – буркнул «Шило», вытирая побагровевшее лицо и бычью шею огромным полотенцем и удобно устраиваясь в глубоком кресле.

Исполнительный директор промолчал. Зато откликнулся

«Спиридон».

– А нельзя ли повежливее, сударь? – спросил он.

– С кем? С ним?!

– Почему бы и нет? – «Спиридон» повернулся к исполнительному директору. – А ты можешь идти. Спасибо. Все хорошо.

– Слушаюсь. Но если что, то...

– Не беспокойся. Мы у себя дома.

Исполнительный директор взялся за ручку двери, но его остановил голос третьего, сидевшего с полуприкрытыми глазами.

– Как там, «Кривой»?

– Все в порядке.

– Расслабляются, слышу, – снизу действительно доносился приглушенный гул и музыка.

– Братва гуляет.

– Ну и пусть. Они заслужили отдых. Неделька-то, прямо скажем, была нервная, – «Ангел» посмотрел в сторону «Ши-ло» и криво ухмыльнулся. – Наш коллега, вон, тоже все еще не отошел... Психует... Ты прости его, ладно?

– Я... что... я ничего...

«Кривой» вышел и тихонько прикрыл за собой дверь. «Ангел» вновь прикрыл глаза, наслаждаясь уютом и покоем.

– Может, мужики, вздрогнем, а? По чуть-чуть... А то сидим... Как неродные, – сказал «Шило» и потянулся к бутылке с водкой.

– И жить торопишься, и чувствовать спешешь? – с издевкой спросил, не открывая глаз, «Ангел».

– Нет... У нас – вся ночь впереди. Ведь так, «Спиридон»? «Спиридон» промолчал, глядя на горящие в камине поленья и думая о чем-то своем. «Ангел» же, открыв глаза и устремив свои серые глаза, отсвечивающие стальным блеском, на «Шило», тихо, но с нажимом заметил:

– Не умеешь ты себя вести в приличном обществе, дорогой. Стыдно! Уроки этикета надо бы тебе преподать. На людей набрасываешься. Ты что? Борзеешь?! Скажи спасибо, что характер у меня мягкий, а то бы... – в голосе зазвучали угрожающие нотки.

– Ну, что вы, братки, на самом деле? Давайте примем по чуть-чуть и забудем, – «Шило» налил себе, а потом и всем остальным. – За союз четырех! И за мир!

Они чокнулись и выпили. Закусывая колбаской, постоянно причмокивая, «Крот» заметил:

– Как ни прискорбно, но я должен согласиться с «Ангелом»...

«Ангел» спросил удивленно:

– Почему «прискорбно»? Разве так уж тебе неприятно соглашаться со мной?

– Не привязывайся, – отмахнулся «Крот». – Это я для красоты так выразился.

«Ангел» усмехнулся.

– Ради красного словца ты не пожалеешь и родного отца.

– Да, будет вам. Я серьезную вещь хочу сказать. Понимаете, мужики, мне вчера рассказывали, как недостойно ведет себя в городской Думе «Шило». Короче, тень бросает на наш союз.

«Шило» побагровел, услышав такое.

– Сбрендил?! Я? Тень бросаю?! «Крот», ты в своем уме?!

– Именно ты. Тебе действительно не хватает воспитания.

Вспомни, что ты учудил в Думе три дня назад, а?

– Я?.. Три дня назад?..

– Именно!

– Ничего не было три дня назад.

«Спиридон» поинтересовался:

– Что такое? Уж не мордобой ли устроил?

«Крот» рассмеялся.

– «Спиридон», ты как в воду глядел. Во время дебатов по бюджету города на нынешний год «Шило» налетел с кулаками на депутата от левых, – все заулыбались. «Крот» обвел всех непонимающим взглядом и остановился на виновнике веселья. – А ты-то с какой стати скалишься? Союз позоришь... Тоже мне, народный избранник...

«Ангел» шутливо заметил:

– Одно у «Шило» все-таки имеется смягчающее вину обстоятельство.

– То есть? – спросил «Крот», по-прежнему не понимая причины такого веселья братков.

– Хорошо хоть вмазал представителю левых? – уточнил

«Ангел».

– Кончайте ёрничать. Я говорю серьезно... – сердясь, заметил «Крот».

– Ну, если серьезно, – согнав с лица улыбку, сказал «Спиридон», – то мы очень ошиблись в кандидате...

– Твоя, между прочим, идея, – вставил «Ангел».

– Согласен. Но должен вам напомнить, из чего я исходил, настаивая на кандидатуре «Шило». Я считал, что у него, во-первых, рожа очень подходящая – настоящая, мужицкая...

– Только без оскорблений, – «Шило» невольно сжал кулаки.

«Спиридон» оставил его реплику без внимания.

– Наш избиратель на такие рожи клюет: одни в нем видят свою, родственную душу, другие из-за невольного страха, который испытывают, глядя на него, отдают свой голос. Но я рассчитывал, что, став народным избранником, «Шило» будет держать себя в узде. Кажется, я в нем разочаровался: как был мордоворотом, таким и остался.

– Горбатого, как говорится, могила исправит, – заметил «Ангел» и, отпив из рюмки немного, примиряюще добавил. – Ну, хватит о нем. Давайте поговорим о чем-то хорошем. Кстати, не пора ли подать жаркое?

«Шило» обрадовано подхватил:

– А на десерт не помешали бы и наши красотки.

Заметив, как глаза «Шило» загорелись огнем вожделения, «Ангел» пропел:

– Первым делом, первым делом самолеты, ну, а девушки, а девушки – потом...

– Так ведь... Сами знаете: когда лошадка застоится в стойле, то потом ее долго приходится разогревать.

– Кстати, – «Спиридон» обвел всех взглядом, – я тут вел длительные переговоры с лидером «Кавказа»...

– С «Беком», что ли? – уточнил «Ангел».

– Да, с ним.

– Что, «Спиридон», тебе от наших злейших конкурентов надо? – спросил «Шило», угрюмо ковыряясь в тарелке с салатом. – Какие еще переговоры? Давить их надо, давить! Под ноготь их и, как блох, щелкать, щелкать, щелкать.

– Тебе бы только «давить». Я считаю, если, конечно, вы меня поддержите, необходимым с конкурентами договариваться.

«Крот» его сразу же поддержал.

– Плохой мир все-таки лучше самой доброй ссоры.

– Тоже мне, миротворцы, – пробурчал «Шило». – Плохо вы знаете людей с «Кавказа». Они, обнимаясь с вами, в руках держат кинжал, чтобы незаметно, только вы отвернетесь, потеряете бдительность, всадить его в вашу спину по самую рукоять... Доиграетесь, ох, доиграетесь, мужики!

– Не каркай, – буркнул «Крот».

– Мне что... Вам – виднее... Только потом не говорите, что я не предупреждал.

«Ангел» поинтересовался:

– До чего-нибудь удалось договориться?

– Думаю, что да, – ответил «Спиридон». Он налил немного в рюмку водки, выпил, отставил рюмку в сторону, закурил балыком. – Точиев предлагает дельную вещь: обмениваться наблюдателями.

– Не понял, – сказал «Шило», уставившись в «Спиридона».

«Шило» неожиданно поддержал «Ангел».

– Если честно, я – тоже. Наблюдатели? Это что-то новенькое.

– Новое – всегда лучше старого, – возразил «Спиридон».

– Может, все-таки объяснишь? – спросил «Крот».

– Смысл заключается в том, что наши ОПС обмениваются наблюдателями, которые присутствуют на заседаниях, когда решается вопрос, который в той или иной мере может затронуть интересы наших конкурентов. Например, когда возникает спор насчет сфер влияния. Или когда надо лоббировать в городской администрации принятие решения, которое отвечает нашим общим интересам.

– С трудом, но понять смысл можно. Ты, «Спиридон», считаешь, что время стихийных разборок прошло, так? – спросил, недоверчиво качая головой, «Крот».

– Если можно, то надо договариваться, – ответил ему «Спиридон». – Настала пора не «мочить» конкурента, где ни попади, а вести диалог.

– Совместные усилия, конечно, эффективнее, однако...

Все же больше на анекдот смахивает.

– «Ангел», ты опять не веришь?

– Честно, «Спиридон», нет!

– А ты вспомни, как полтора года назад, здесь же, почти в том же составе я завел с вами разговор о необходимости легализации своей деятельности и впервые сказал о необходимости учреждения и регистрации НТПС. Как идею называли? Не идиотизмом?

– Это так, но... Это – другое дело... Тогда был прецедент...

– Ты, «Ангел», об «Уралмаше»?

– А о ком же еще?!

– «Уралмаш», действительно, был первым, – сказал «Спиридон». Плеснув в рюмку чуть-чуть водки, он выпил, закусил куском заливной осетрины и продолжил. – Надо идти дальше...

«Шило», мрачно ковыряясь в тарелке в поисках наиболее лакомых кусочков, хмыкнул.

– Чушь собачья! Где это видано, вишь ты, чтобы конкурента допускать в святая святых – в наши планы и задумки?

«Спиридон» ничего не сказал на это: лишь мельком бросил взгляд в сторону «Шило». И наблюдательный человек мог заметить, как в глазах сверкнула колючая искорка, не предвещающая ничего хорошего тому, кому была адресована. Сверкнула искорка и тотчас же погасла. И вновь голубые его глаза заизлучали ласковую теплоту.

Бесшумно отворилась одна из дверей, и появился исполнительный директор. Он нес в руках глубокие тарелки, вилки и ложки для вторых блюд, уполовник. Следом за ним молодой парнишка нес на вытянутых руках большой глиняный горшок, из-под крышки которого шел горячий пар.

«Шило» потянул носом, облизнулся.

– Как сегодня, «Кривой»? Можно жрать твоё жаркое?

Убирая со стола грязную посуду с остатками закуски и ставя на её место чистую, предварительно протерев столешницу и сменив салфетки, «Кривой» сказал:

– Как всегда, господа. По вашему вкусу. Не было претензий раньше, не будет и сегодня.

Исполнительный директор зачерпнул уполовником содержимое горшка и вылил в тарелку. Наверху оказался большой кусище тушёной телятины. По комнате отдыха распространился аромат. Через минуту отдыхающие вновь остались одни. Они наполнили рюмки.

– Выпьем за полезное сотрудничество с «Кавказом», – предложил «Спиридон» и улыбнулся, – если, понятно, вы не против.

– Чушь собачья всё это, – сказал, взяв в руку рюмку, «Шило», – но...

«Спиридон» не стал дожидаться окончания речи братана.

– Будем считать: трое – за, один – воздержался. За это и выпьем.

Все чокнулись.

Медленно пережевывая тяжелыми скулами телятину, «Шило» спросил:

– А кто будет официально представлять наши интересы в «Кавказе»? Ведь не я, да?

– Успокойся: только не ты, – громко рассмеявшись, ответил «Ангел». – Ты – не дипломат. Ты – «мокрушник».

«Шило» проворчал:

– Чистюли... Свои ручки вы не станете пачкать... – и презрительно протянул. – Гос-по-да...

«Спиридон» заметил:

– Этот вопрос тоже нам надо решить.

«Шило» предложил:

– Может, «Крота»? Он их всех знает. Ему и карты в руки.

– «Крот» решительно возразил:

– Нельзя! Формально я не вхожу в состав НТПС, тем более в его исполком.

«Спиридон» поддержал его.

– Действительно, нельзя. «Крот», учитывая его специфические обязанности, не подлежит легализации.

«Шило» вновь предложил:

– Тогда – «Кривого».

«Спиридон» снова не согласился с предложенной кандидатурой.

– Не тот уровень. Нужен кто-то из исполкома.

«Шило» обиженно заметил:

– Ну, тогда не знаю. Предлагай свою кандидатуру. Если

она у тебя есть.

– Есть такая кандидатура. Она устроит всех. В том числе и «кавказцев». У них не будет, во всяком случае, аллергии. Кандидатура с вполне приличным прошлым. Известен человек общественности как крупнейший советский спекулянт. И его три «ходки на зону» нынче, скорее, достоинство, чем недостаток.

– Это ты, «Спиридон», обо мне, что ли? – догадавшись, спросил «Ангел».

– Именно. А ты против?

– Да, нет. Воля большинства – закон.

«Крот», опрокинув очередную рюмку, поддержал «Спиридона».

– «Ангел» – кандидатура, что надо. Ты прав.

«Шило» тоже не стал возражать.

– И я не против.

– Вот и хорошо: будем считать, что решение принято единогласно.

Наступила тишина. Все с присущей им активностью принялись за жаркое. Минут через пять тишину нарушил «Ангел».

– «Спиридон», когда совет директоров будет утверждать годовой баланс?

– Не раньше марта. А что?

– Скажи, как «общак»?

– А что?

– С «зоны» вернулся «Зуб». Ему надо помочь обустроить-ся.

– Ты его знаешь? Хорошо?

– А что бы я стал за него просить? Он пригодится.

– Тогда – нет проблем. Скажу кассиру, чтобы выдал материальную помощь. Святое дело. Тем более, что братва, как я понимаю, не станет возражать.

– Мужики, я вам вот что хочу сказать...

– «Крот», ты возражаешь? – спросил его «Ангел».

– Да, нет, мужики. Я этого братка не знаю... Кажется, никогда не встречался... Кстати, как его фамилия?

– Зубов.

– Нет... да, эта фамилия мне ничего не говорит.

– В чем же дело?

– Я – не о нем. Я – в принципе. Мужики, надо быть осторожнее, когда привлекаете новых людей.

«Спиридон» насторожился.

– То есть?

– Я о том, что кто-то может оказаться подсадной уткой. Он по амнистии вернулся?

– Да, – ответил «Ангел».

– Вот-вот... Тем более... Повторяю: против этого парня у меня ничего нет. Но...

– Не крути... Говори, – «Спиридон» даже рюмку отставил в сторону.

– Может, и не новость для вас, но все же хочу предосте-

речь.

«Спиридон» поморщился.

– Не тяни kota за хвост.

– Не следует забывать: спецслужбы не дремлют. Особенно во время очередной амнистии. Например, выбирают соответствующую кандидатуру, вербуют, то есть делают своим «стукачом»; потом подводят под амнистию и подсаживают на свободе туда, куда им надо. Таким образом, получают замечательного осведомителя. Такого «стукача», на которого братва и подумать не может.

«Спиридон» согласился.

– Напоминание, как нельзя, кстати. Слышь, «Ангел»?

– В деле проверим. При первой возможности. Хотя...

«Зуб» – в доску наш.

«Шило» встал, подошел к телевизору, включил и стал перебирать каналы.

– Братки, – сказал он, – у меня тоже...

«Спиридон» спросил:

– Тоже кому-то потребовалась помощь?

«Шило» зло бросил:

– Не «кому-то», а мне.

– Вот как? Вроде, не бедствуешь.

– Да, но... Парень у меня поступил на экономический факультет Уральской горной академии... На платной основе... Не дешево обходится.

– Сколько? – коротко спросил «Спиридон».

– Сто «кусков».

«Ангел» рассмеялся.

– Не пудри ты нам мозги. Деваха, поди? Доит?

– Честно, мужики!..

«Спиридон» сказал:

– Он правду говорит. Надо помочь. Кстати, братки, после утверждения годового баланса на совете директоров будет поднят вопрос повышения зарплаты. Инфляция. Цены растут, – он улыбнулся и пошутил. – А то ведь будем бедствовать... Как пенсионеры... Или учителя, – вспомнив что-то, посерьезнел. – Раз уж зашла речь о благотворительности... Предлагаю помочь учителям шестнадцатой школы.

«Крот» удивился:

– Почему именно им?

– Потому что я в этой школе учился.

– А чем хуже педагоги, которые нас учили?

– Нет проблем. Предлагайте. Пусть это проходит как наша благотворительная акция. Через наших журналистов гласности предадим. Общественность должна знать благородные акции НТПС «Высокогорье».

Глава 2. Рыболовы

1

Фомин нервничал. Он стоял в тамбуре электрички и выглядывал на перрон.

– Опаздывает, черт. Что за привычка приходить за минуту до отхода. Вот-вот двери закроются.

Фомин решил первый день Нового года (разумеется, по старому стилю) провести на озере, за рыбалкой. Не один, а со своим самым близким другом. Договорились, что поедут первой электричкой. Во втором вагоне. Меньше шума и теплее.

Выглянув в очередной раз на улицу, он увидел бегущего от подземного перехода Чайковского. Он крикнул:

– Прибавь газку, парень! Поезд ждать тебя не станет. Поезд – без мозгов и ему не дано знать, что бежит не кто-нибудь, а самый настоящий генерал.

Фомин самодовольно заулыбался. Чайковский заскочил в тамбур. И зашипела тотчас же тормозная система. Двери закрылись. Вагон со скрипом дернулся, и поезд, завывая, стал стремительно набирать скорость.

– Извини, Сашок, – сказал Чайковский, удобно устраиваясь у окна. – Не рассчитал малость. Отвык, знаешь ли... Все на колесах. Пешедралом-то редко. Да еще в крошечной тем-

ноте и по колдобинам.

Фомин, слушая друга, удивленно спросил:

– Пешком? Ты?! Почему не вызвал дежурку?

– Ерунду спрашиваешь, Сашок. Сам-то ведь тоже на своих двоих добирался. Вон, откуда. А я? С Антона Валека на Девятое Января, по Челюскинцев – и на вокзале. Почти рядом.

– Чудишь, парень.

– А ты?

– Я – другое дело.

– Как это?

– Я – всего лишь старший опер, а ты – фигура, – Фомин ухмыльнулся и шутливо, склонившись в его сторону, чтобы другие редкие в этот час пассажиры не услышали, добавил. – Как-никак генерал.

– Вот именно: как-никак! – Чайковский снял шапку-малахай из собачьей шкурки, положил рядом. – Уфффф, вспомтел! – он расстегнул две верхних пуговицы довольно ветхого, но все еще удерживающего тепло, овчинного полушубка и, указав взглядом на ноги, заметил. – Валенки с большим трудом откопал. Много-много лет не надевал, – он посмотрел в прогалину полузамерзшего окна. – Сортировку проехали. А, кстати, куда мы едем? Ты же мне так и не сказал.

– До станции Таватуй. Потом немного пешком и будем на озере.

Чайковский, хитро прищулив один левый глаз, заметил:

– Непочтителен ты к начальству.

– Не понял, Паша.

– Тащишь генерала, будто котёнка, невесть куда и никаких аргументов.

– Захотелось, знаешь ли, провести какое-то время «вдали от шума городского» и в обществе человека, который мне страшно дорог.

– Ну, это, допустим, я слышал. Но почему именно на озере Таватуй?

– Сначала мой план был махнуть в Сылву...

– Куда-куда?! – Чайковский недоверчиво смотрел на него, стараясь разгадать, шутит тот или всерьез.

– Да-да, в Сылву. Далековато, конечно, но зато места там... Всякий рыбак, знающий себе цену, если предоставить ему право выбора, то без колебаний отдаст предпочтение Сылве: потрясающий природный ландшафт, целебный воздух и огромный чистейший пруд. И еще одна немаловажная деталь для истинного ценителя зимней рыбалки: отменный клёв. Успевай только менять наживку на крючке.

– Будет врать-то.

– Нет, честно! Знаешь, какие там лещи проворачиваются? Голова в лунку не проходит. Подведешь к лунке, а оттуда глаза таращатся – каждое с блюдце. Приходится рассекать и вынимать по частям.

– Мели, Емеля...

– Не веришь?!

– Естественно. Откуда тебе знать-то? Днюешь и ночуешь на службе. Слушая тебя, можно подумать, что ты заядлый рыбак и все выходные проводишь на пруду.

Фомин тяжело вздохнул.

– Ты прав, Паша, как всегда, прав. Не до рыбалки. Но все равно: я правду говорю. Более красивых и удобных мест для отдыха горожанина я не знаю. Это же настоящая уральская Швейцария...

– Может быть, когда-то...

– Все еще, Паша, Сылва – один из немногих оставшихся заповедных уголков на Урале. Как-нибудь я все-таки тебя туда заманю. Сам увидишь.

– Избавь меня, Сашок. Ты же знаешь: я не рыбак. И к рыбной ловле страсти никогда не испытывал. Сегодня согласился поехать, но исключительно ради тебя.

– Благодарю!

– На здоровье! – в том же шутливом тоне откликнулся Чайковский.

Дребезжащий мужской голос из громкоговорителя сообщил:

– Станция Исеть. Следующая остановка – Сагра.

Фомин, потирая руки, сказал:

– Ну, вот: скоро и мы прибудем на место.

Они замолчали, каждый думая о своем. Через пару минут генерал Чайковский поднял на Фомина глаза и спросил:

– Ты ничего не хочешь сказать мне?

— А что? Что я должен сказать, господин генерал? — вопросом на вопрос ответил Фомин, и глаза его засверкали озорным блеском.

— В пятницу, уже под конец дня меня вызывал шеф...

— Краснов, что ли?

— У меня другого нет, насколько тебе известно.

— У тебя проблемы? Из-за меня?

— Нет, конечно. Но мне показалось довольно-таки странным, что он со мной завел речь...

— Догадываюсь: обо мне! Что ему надо было от тебя?

— Как я понял, хотел посоветоваться, зная наши с тобой особые отношения, прежде чем принять решение. Он тебя не вызывал?

— Нет. А должен был? Ладно, не тяни кота за хвост, говори, в чем там дело. «Телега», что ли, опять? Господи, теперь-то с какой стороны?!

— Успокойся, на этот раз нет никакой «телеги».

— Что тогда?

— Он высказал намерение поручить тебе кое-что... По Нижнему Тагилу... Как я понял, этому делу он придает серьезное значение. Судя по его нервным репликам.

— А! — Фомин хлопнул себя по коленку. — Вот в чем дело! Вот откуда ветер дует!

— Так ты знаешь?

— Да. Вчера генерал Воробьев провел со мной обстоятельную беседу. Но он не сказал, что в успехе сего предприятия

лично имеет интерес Краснов. Почему – непонятно.

– Ты согласился?

– Приказ не обсуждается, приказ исполняется. К тому же у меня к тагильчанам особо теплые чувства.

– Вот-вот! Не мое это дело, но хочу тебя попросить. не глупи ты там, не горячись. Не давай волю чувствам. Принимай решения на трезвую голову.

– Наставление будет исполнено, господин генерал! – шутиливо ответил Фомин.

– Seriously, Сашок. Ты там будешь за главного. Сдерживающего начала рядом не будет. За любое решение – отвечать тебе и только тебе.

– Я, и тебе это известно, никогда не бегал от ответственности.

– Не обижайся... Я же по-дружески.

– Паша, не волнуйся за меня: все будет, как надо.

– Рад бы, но слишком хорошо тебя знаю. Учитывай также и местную психологию. Сам знаешь, как тагильчане не любят, когда кто-то со стороны вмешивается в их внутренние дела. Мы, считают они, сами с усами.

– Может быть и с усами, но дали же Курдюкову ускользнуть. Надо быть полными идиотами...

– Не спеши с оценками, Сашок. Особенно, когда будешь в Нижнем Тагиле. Не говори все, что у тебя на уме.

– Согласись, что это же азы...

– То, что азы, – да. Однако надо тебе иметь в виду, что

в данном случае, по меньшей мере, я усматриваю два варианта. Вариант первый: действительно, оплошали, прошляпили. Вариант второй: а что, если специально, после выхода из суда, Курдюкова «проглядели»; может, в этом и состоял весь замысел?

– Ты хочешь сказать, что в исчезновении замешан кто-то из нашего ведомства?

– Я, Сашок, ничего не знаю. Но, как вариант, со счетов не сбрасываю. И тебе советую иметь в виду.

Фомин задумчиво произнес:

– А ведь прав, черт тебя побери!

– Вот, видишь?! Опять спешишь с выводами. Только я высказал предположение, а ты...

– Нет, Паша, я ведь в том смысле усматриваю твою правоту, что если бы у нас не было предателей, то борьба с преступностью велась бы более успешно.

– Ты выражаешься казенным языком.

– А, черт с ним, с языком! Я, по сути, прав. Трудно работать, когда рядом возможный потенциальный предатель. Подозревать приходится. Иногда вполне честного человека.

– Ничего не поделаешь...

– Как это?! – Фомин не на шутку разгорячился. – Даже специальную службу внутренней безопасности создали. Понасадили кучу людей. И что?

– Не горячись, батенька, не горячись.

– Знаешь, зло распирает: одни сутками «пашут», другие

протирают штаны, бумаженции подшивают; делают вид, что работают. И получают не меньше. Ты, Паша, когда-нибудь задавался вопросом, сколько у нас лишних людей?

– У нас нет лишних. У нас даже недокомплект.

– В уголовном розыске – да. Зато, посмотри, в многочисленных пресс-службах всегда полный комплект лейтенантов и капитанов. Все стулья заняты. Всегда заняты!

– Сейчас это модно.

– Модно, согласен, но невыгодно. Для государства невыгодно. Из таких вот деятелей можно было бы укомплектовать целое подразделение по борьбе с преступностью.

– Ты, как всегда, сгущаешь краски. Впрочем, пусть об этом голова болит у дятла.

– Кстати, о «дятлах». Я тут слышал шепоток насчет ухода прокурора Тушина на пенсию. Поговаривают, что о нем не лестного мнения полномочный представитель Президента. Как? Ты что-нибудь знаешь?

– Мои источники те же, что и у тебя. Во всяком случае, слухи часто имеют под собой некоторые основания.

– Хорошо бы!

– То есть?

– Тушин из прошлого. Хорошо, если действительно уйдет.

– Не спеши радоваться.

– Почему?

– Поговаривают также, что на его место прочат Казанцева

– Казанцева?! Но он же новичок в городской прокуратуре и никак себя не показал.

– Зато – губернатор за.

– Странно... Конечно, Кондрашов, первый заместитель Тушина, из коммунистической элиты, и вряд ли его стоит назначать. Однако там с огромным опытом другой зам – Туфлеев. Мужик все прошел: огонь, воду и медные трубы. Почему бы его не назначить? Странно.

Чайковский пошутил:

– Странно то, что нас с тобой почему-то не спрашивают, назначая.

– Ну, и хрен с ними! – в сердцах бросил Фомин. – Кесарю – кесарево, слесарю – слесарево. Какое мне дело до того, кто будет новым прокурором?

– Не скажи.

– У тебя препротивная манера, Паша, говорить намеками. Интриган несчастный! Ну, говори! Что еще у тебя в «зачеке»?

– У тебя могут возникнуть проблемы, если прокурором области станет Казанцев.

– У меня?! Проблемы?! Какие?! Я его не знаю, он меня тоже.

– А ты забыл, что Казанцев выходец из Нижнего Тагила? Связи у него не порваны наверняка. Два года как оттуда.

– И что из этого следует?

– То, что через будущего прокурора области могут тебе

крепко помешать в проведении доследственных оперативно-розыскных мероприятий. Будь готов.

– Буду.

– И еще. Между нами говоря, и под Красновым стул-то шатается. По тем же самым причинам.

– Да ты что?!

– Может, и удержится. Но кто его знает. Полномочный представитель Президента сильно на Краснова пофыркивает – это видно.

– Ну, к этому нам не привыкать, – усмехнулся Фомин. – За десять-то лет который начальник?

– Пятый, если с Фроловичева начинать счет, – ответил Чайковский.

– То-то же. Тушин же все это время сидел. И сидел крепко на месте. Алексеев будет рад. Много из него кровушки попил Тушин.

– А ты разве не слышал?

– О чем?

– Следователь Алексеев уходит на пенсию.

– Не в первый раз.

– Теперь – окончательно.

– Если это так, то очень жаль. Честное слово! Хороший мужик.

– Но когда-то, если мне не изменяет память, ты...

– Что было, то быльём поросло. Очень жаль... А я, признаюсь, в душе рассчитывал, что когда придет время, то

следствие по моему делу поведет именно Алексеев. Сработались мы с ним.

– Может, спились? – шутливо подколот Чайковский.

– Что ты, Паша! Он же почти совсем не пьет. Ангел, а не человек. Строг, чуть-чуть даже зануда, ничего не скажешь, но башковитый – просто страсть. Плюс – юрист абсолютной честности. По правде говоря, таких крайне мало. Больше всё ловкачи, приспособленцы, угодники, ловят на лету каждое желание начальства, извини за выражение, без мыла в задницу лезут.

– Ну, что за выражения, дружище? А еще к интеллигентам себя причисляешь. Нехорошо, батенька, очень нехорошо.

– Я же заранее извинился, Паша.

– Похожее оправдание я уже однажды слышал. От кого – не помню. Кажется, от одного фигуранта по делу. Он также прежде, чем сделать гадость, очень извинялся. А один убийца убеждал, помню, меня в том, что в его планы не входило убивать жертву. Он не хотел убивать, искренне раскаивается и готов извиниться перед убитым. А сам, нехотя, нанес потерпевшему шестнадцать ножевых ранений. Причем в жизненно важные органы.

– То же мне... сравнил. С подонками. И кого?! Самого непорочного, самого обаятельного и привлекательного сыщика, или как сегодня принято называть, сыскаря.

«Спиридон» сел на заднее сидение шестисотого, откинувшись на спинку, прикрыл глаза.

– Куда, шеф? – повернувшись, спросил водитель.

– В клуб, – односложно ответил «Спиридон», не открывая глаз.

– Не понял.

«Спиридон», недовольно скривив губы, уточнил:

– В наш клуб тяжелой атлетики.

Водитель переключил скорость и машина, взвизгнув тормозами, со двора выехала на Карла Маркса, потом на Газетную и Ленина, повернула направо и, набрав скорость, полетела в сторону горсовета. Навстречу, ударяясь о лобовое стекло, летят крупные снежинки. В салоне тепло и уютно. Из автомагнитолы льется приглушенная музыка, и лишь она нарушает тишину.

Водитель уже свыкся, что его машину сотрудники инспекции по безопасности дорожного движения никогда не останавливают, поэтому, не глядя на спидометр, довел скорость до ста двадцати. Первое время, устроившись на работу, осторожничал. Но потом быстро догадался, что люди с жезлами его машину хорошо знают, поэтому опасаются тормозить и придираются. Хозяин у него еще тот. Он – авторитет. Ему в рот палец лучше не класть.

Водитель стал чувствовать себя на улицах города королём, не обращая внимания на другие транспортные средства,

на всякую, как он выражался, шошу-ерошу.

Все также, не открывая глаз, хозяин неожиданно заметил:

– Освоился, гляжу, на дороге. Это, конечно, хорошо, но не переусердствуй. А то в гроб загонишь себя и меня. Во всем должно присутствовать чувство меры.

Водитель согласно кивнул, давая понять, что замечание шефа принято к сведению, а потом спросил:

– У вас проблемы?

– С чего ты взял?

– Плохое настроение, вижу. Может, супруга чего-нибудь? Они, бабы, умеют портить нам настроение.

– Ты, Васек, не за мной следи, а за дорогой, – и пропел. – Чтобы не пришлось любимой плакать, крепче за баранку держись, шофер!

Васек загоготал.

– Понял. Извините.

У «Спиридона», водитель прав, отвратительное настроение. Ему предстоит не слишком приятная и мало желанная процедура, но необходимая. Он бы с радостью от нее отказался. Но так решила братва. В интересах общего дела.

Еще вчера, обменявшись мнениями, братва (точнее – ее руководящее звено) пришла к мнению: имеется острая потребность в проведении профилактических мероприятий – самых обычных для подобных случаев. А иначе о дисциплине можно и забыть навсегда. О дисциплине сверху донизу. Без каких-либо исключений. Без скидок на прошлые заслуги.

ги и личные достоинства.

«Спиридон», поднимая этот вопрос, понимал всю деликатность ситуации, поскольку речь шла о человеке из ближнего круга, поэтому он не совсем был уверен в поддержке, в единодушной поддержке. В этой же ситуации единодушие – краеугольный камень. Иначе может возникнуть трещинка внутри, которая приведет к расколу. Хуже того, к грызне, междоусобице. Все это, в конечном счете, смерти подобно.

Подобного развития ситуации, по мнению «Спиридона», во что бы то ни стало необходимо избежать.

С ним согласились все. Последние сомнения рассеялись после того, как «Спиридон» напомнил их собственный уговор после ухода «Курдюка», возомнившего себя единственным вождем, попытавшегося других оттеснить от руля власти и все замкнуть на себе. Уговорились же, что впредь подобные попытки кого-либо будут пресекаться на корню, что все жизненно важные решения приниматься на условии консенсуса, на принципах цивилизованности, что время урок кануло в Лету, что уважительность, такт, деликатность – три составных и главных части взаимоотношений внутри НТПС. Тогда все согласились. Значит, надо исполнять. И любое поползновение в сторону вождизма следует давить в зародыше. Но поскольку любая инициатива наказуема, то и поручили проведение профилактики тому, кто заострил вопрос, – «Спиридону».

Правда, «Ангел» все-таки заметил:

– Ты, «Спиридон», там поосторожнее. Как-никак, но он свой, он в доску наш.

«Спиридон», усмехнувшись, заверил всех, что все меры предосторожности будут соблюдены, что бить будут сильно и больно, но неопасно для его здоровья, что профилактика будет длиться лишь до той поры, как он не попросит прощения и не даст слово в будущем не задирать хвост. И обронил, как бы ненароком, фразу:

– «Курдюк» тоже был в доску наш. И что?

«Ангел» возразил:

– Не сравнивай. Здесь мы имеем начальную и не столь еще опасную стадию. Там же, в ситуации с «Курдюком», налицо был с его стороны полный беспредел.

Машина свернула, наконец, во двор многоэтажки и остановилась возле крыльца старинного двухэтажного здания, в котором раньше размещался детский сад, а с 1994 года открыт элитный клуб тяжелой атлетики. Почему элитный? Да потому, что его двери открывались не перед каждым желающим, а лишь перед, как минимум, кандидатами в мастера спорта, ушедшими из большого спорта, а ныне работающими в частных охранных структурах.

Жильцы многоэтажки не имели претензий к новым хозяевам старого особняка. Потому что всё вокруг было тихо и пристойно. Машины незаметно появлялись и столь же незаметно исчезали. Люди тихо приходили и столь же ти-

хо уходили. А что творилось за толстыми стенами особняка – никто не знал. Лишь предполагали, что там вчерашние спортсмены, звезды российской тяжелой атлетики поддерживают себя в форме. Обитатели двора не только не ворчали по адресу соседей, но и с радостью рассказывали, что те взяли на себя заботу о поддержании чистоты и порядка на всей дворовой территории, за свой счет содержали дворника, который (не в пример коммунальщикам) исполнял свою обязанность аккуратно, то есть подметал и убирал мусор два раза в сутки – ранним утром и поздним вечером. И, конечно, в порядке были и детские игровые площадки. За этим тоже следили они. Старожилы не могли понять того, куда подевались дворовые завсегдатаи, – хулиганствующие подростки, бродяжки и пьяницы. Все произошло как-то незаметно для их глаза, будто по мановению волшебной палочки.

В прошлом году кто-то прицепил табличку, на которой было написано: «Двор образцового содержания». Говорят, за победу в городском конкурсе.

– Васек, чья это машина? – спросил, кивнув в сторону впереди стоящего авто, «Спиридон». – Не Шилова?

– Да, шеф, его.

– Значит, уже здесь.

– Да, здесь, – подтвердил водитель.

– Говоришь так, будто все знаешь.

– Знаю, шеф.

– Откуда? Может, шофер лишь приехал.

– Что вы, шеф! Он сам водит машину. Не доверяет.

– Ах, да. Из головы выскочило.

– А еще знаю, что Шилов не любит иномарки. Он счастлив, что имеет «Волгу» последней модели. Рассказывают ребята, что это его мечта детства...

– А еще что рассказывают ребята?

– Много всякого.

– Например?

– Он млеет не только от того, что за рулем «Волги» сидит, но и от того, что она черного цвета и номера с двумя нолями. Короче, ловит кайф.

– Сбылась мечта идиота.

– Это вы о ком, шеф?

– Будешь много знать – скоро состаришься, Васёк.

Водитель ухмыльнулся. Он еще что-то хотел сказать, но удержался, увидев, что шеф, открыв левую дверцу, вышел.

Ступив на первую ступеньку высокого парадного крыльца, «Спиридон» обернулся.

– Пробуду здесь не долго, – сказал он и посмотрел на наручные часы. – В пятнадцать у меня совещание в гостинице «Высокогорье». Жди!

Водитель согласно кивнул, а «Спиридон», на ходу расстегивая куртку, скрылся за массивной двухстворчатой дубовой дверью.

Чайковский встал со своего раскладного стульчика и стал топтаться на одном месте.

– Ты куда меня приволок, а? Окоченеть же можно! Ветер хоть и не сильный, а пробирает до костей. Нельзя же так. Ну, что ты молчишь?! Уставился в лунку... Что ты там не видел?!

Фомин, наконец, поднял голову.

– Осторожничают. Шевелит, а брать не берет. Чебачок мелкий, скорее всего, балует.

Он встал, потянулся до хруста в костях. Потер озябшие на ветру руки.

– Эхма! Как хорошо-то! Огромная ледяная равнина, окруженная лесом, а в середине мы и только мы. И тишина, нарушаемая лишь твоим, парень, ворчанием.

– Неисправимый и дилетантствующий романтик, – буркнул в ответ Чайковский, подходя к нему и разглядывая его улов – несколько окунишек и чебачков. – Странная вещь: сидим рядом, ты тягаешь, а я нет.

– Во всем нужна сноровка, смекалка, тренировка, – пропел Фомин. – Ладно, об этом потом. А сейчас, следуя старой рыбацкой традиции, надлежит принять для сугреву, откушать то есть, после чего, сказывают старики, рыба косяком пойдет. Рыба, будто бы, игнорирует трезвенников-язвенников.

– Да? А у меня нет. Почему раньше не сказал?

– Зато у меня есть, парень, – Фомин хихикнул и стал рыть-ся в рыбацком сундучке, вынимая оттуда свертки. – Тут и бутерброды с ветчиной, тут и стакашки.

У Чайковского округлились глаза.

– Спятил? На морозе ледяную водку?!

Фомин, изо всех сил изображая из себя заядлого знатока зимней рыбалки, только рассмеялся в ответ на столь глупый вопрос. Он постучал себя по левой части груди, где из-под полушубка что-то выпирало.

– Тут у меня все в порядке, старина.

Он расстегнул верхнюю пуговицу, достал бутылку, отвинтил пробку, быстро наполнил до краев стакашки. Один из них взял себе, другой протянул Чайковскому.

– Значит, так. На зимней рыбалке все надо делать быстро. Хоп – и нету. На одном дыхании. Понял? Ну, давай. За Новый год! Не тяни, – он поставил бутылку с остатками жидкости во внутренний карман, взял бутерброд с салом, откусил изрядную долю и стал аппетитно пережевывать. Заметив, что его напарник все еще не решается выпить, воскликнул. – Остывает же! Ну! Взяли!

Чайковский последовал его примеру.

– Тебе какой – с салом или ветчиной?

Чайковский, переводя дыхание, отрицательно замотал головой.

– Понял: с ветчиной. На, заешь.

– А, черт побери, и в самом деле хорошо-то как! – произнес Чайковский и крякнул. – Никогда бы не подумал, что водка может так легко проскочить.

– А я тебе что говорил? Прием для сугреву на зимней рыбалке – штука классная. Да ты закусывай, – Фомин вновь потянулся к внутреннему карману полушубка.

Это его красноречивое движение Чайковский понял однозначно.

– Может, хватит, а?

– Никак нет, господин генерал. За Новый год рванули, а за саму рыбалку нет. Нельзя останавливаться на полпути. Плохая примета. Не повезет. Клёва не будет, – он вновь до краёв наполнил стакашки. – За удачную рыбалку! За нас! За наших близких и друзей! За то, чтобы все у нас было хорошо.

– И за твоих детей и супругу! – добавил Чайковский и выпил первым.

Фомина уговаривать не пришлось. Он даже порозовел от того, что друг вспомнил самое дорогое и самое обожаемое в его жизни – жену и детей.

– Прости за сентиментальность, Паша, но я не представляю своей жизни без них.

– Тут тебе крупно повезло.

– Согласен, друг. Знаешь, коль речь зашла на эту тему, как у тебя на личном фронте? Извини, что вторгаюсь, но...

– Думаю, что все в порядке.

– Думаешь или в действительности?

– Не знаю... Сомнения раздирают.

– И что же служит поводом? Её стервозный характер?

– Нет, но... Тут вот такая штука. Сам знаешь, женился очень поздно. Впору внуков нянчить, а я... Татьяна – молодая, красивая, а я кто? Старый трухлявый пенёк – не больше.

– Она, что, так говорит?

– Какая женщина скажет открыто? Сам понимаю и вижу разницу в возрасте. Поэтому комплекую. Мне все время кажется, что я её не удовлетворяю. Ну... В смысле, как мужчина.

– Не занимайся ерундистикой. Ты ещё мужчина – о-го-го! Пятьдесят три для мужчины – не возраст. Ещё и дети будут...

– Да...

– Что значит твое «да»? Уже?!

– Татьяна на четвертом месяце ходит, но это только между нами, понял?

– И ты, подлец этакий, молчал?! Такое скрывал от лучшего друга?! Ну, и мерзавец же ты после этого! Я тебе этого не прощу – ни на том, ни на этом свете, – он достал вновь бутылку с остатками водки, разлил по стакашкам. – За твоего ребенка! Пусть родится крепким и здоровым! Пусть живет долго-долго.

Они выпили.

– Я жутко, до одури боюсь признаться даже себе, но, дей-

ствительно, почувствовал себя после того, как узнал, самым счастливым человеком на земле.

– Понимаю, еще как понимаю!

– У меня будет сын, понимаешь, сын! – воскликнул Чайковский.

– Сын? Я не ослышался?

– Да! Да! Да! Неделю назад Танюшу свозил на УЗИ. Врач твердо заявил: будет сын и развивается хорошо. Без каких-либо отклонений! Перед тем всю ночь не спал. Все спрашивал себя: а вдруг; а что, если... Опять же волнение из-за моего возраста. Не приведи Господи, скажется на потомстве, на его здоровье.

– Ну, что ты опять заладил о своем возрасте?! Забудь об этом. Я тебе больше скажу: многие исследователи пришли к выводу, что самые талантливые дети рождаются именно от мужчин, которым за пятьдесят, и от женщин, не достигших тридцати. Твоя семья соответствует именно этим параметрам.

Чайковский внимательно посмотрел ему в глаза.

– Ты серьезно? Не шутишь?

– Такими вещами не шутят.

Чайковский, радуясь, как ребенок, невольно воскликнул:

– Дай-то Бог!

– Все будет отлично. Вот увидишь, – повторил еще раз Фомин. – Забудь о страхах. Выкинь из головы.

– Хорошо бы, но...

– Паша, я много-много лет все собираюсь тебя спросить...

– О чем?

Фомин обернулся и не увидел на краю лунки своей удочки. Он одним прыжком подскочил и увидел, что виднеется над водой лишь рукоятка. Он лихорадочно потянул на себя и почувствовал, что кто-то явно упирается, кто-то есть на крючке. И не мелочь. Он стал выбирать леску и окончательно понял, что его ждет сюрприз. И вот появилась в лунке голова рыбы. Она широко раскрывает рот, хватая воздух и издавая булькающие звуки. Фомин осторожно подвел под нее шабалу и резким движением выбросил рыбину на лед.

Чайковский заворожено смотрел на бьющуюся рыбину.

– Надо же! Лещ, кажется, и такой огромный.

Фомин с притворным равнодушием махнул рукой.

– Ерунда! Мелочь... Не лещ, а всего лишь подлещик.

– А чем отличается лещ от подлещика?

Фомин снисходительно посмотрел на него и ответил:

– Тем же, чем отличается слон от слоненка.

– Но твой, как ты выражаешься, подлещик такой огромный. Ты только посмотри!

– Ерунда! – все также снисходительно повторил Фомин. – Полкило – не больше.

– А лещ?

– Ну, лещ, – Фомин явно рисовался, – начинается с килограмма и более. Самым удачливым попадают в четыре, а то и в пять килограммов.

– Ужас!

– Вот, я однажды...

Чайковский понял, что его друг угодил в привычную колею и его понесло, поэтому прервал его.

– Хватит врать-то. Мне эти штучки твои знакомы. Будешь рассказывать небылицы.

– Ну, если не хочешь...

– Не хочу. Ты лучше задай тот вопрос, который хотел задать не раз.

– А... Это? Хорошо... Спрошу, но ты не обижайся, ладно? В крайнем случае, если тебе покажется неприятным, просто не отвечай.

– Не новичок. Выкручусь как-нибудь, – усмехнувшись, ответил Чайковский.

– Скажи, Паша, только честно, почему ты так поздно женился? Искал и не нашел свою королеву? Ту, единственную и неповторимую?

– Почему «не нашел»? Нашел и еще два с лишним десятка лет назад.

– Да ты что! Сегодня для меня день, полный открытий. Я знал! Я предчувствовал, что первый день не станет рядовым, обыденным.

– Нашел я свою королеву, – повторил с грустью в голосе Чайковский.

– Ну, какой же ты после этого друг, если от меня утаил, а?! Ну, до чего же ты, оказывается, скрытный!

– Скорее, не я скрытный, а ты не слишком наблюдательный. А еще кричишь на всех углах, какой ты ас сыска, какой поклонник мистера Холмса. Где твой хваленый дедуктивный метод?

– Не вали с больной головы на здоровую. Причем тут я и мой дедуктивный метод?

– Да притом, голубчик! Моя королева – это Зинуля...

– Зинуля?! Какая еще Зинуля?! Я знаю лишь одну Зинулю, Зинулю Орлову. О другой от тебя никогда не слышал. Хоть бы когда-то намекнул. Откуда взялась еще одна Зинуля? Ну, рассказывай!

Чайковский усмехнулся.

– Моя избранница – это Зинуля Орлова.

– Зинуля? Орлова?! Издеваешься?!

– Ничуть.

– Извини, друг, но ты бредишь. Видимо, это последствия сегодняшнего переохлаждения.

– Я серьезно, Сашок.

– Серьезно? Не может быть! За кого ты меня принимаешь? Столько лет вместе работали и чтобы я... не заметил? Нет, отказываюсь верить! Твой розыгрыш переходит все границы. Угомонись, парень.

– Сашок, это была любовь с первого взгляда. Увидел, втюрился – и на всю жизнь.

– Предположим. Но ты не мог скрыть – от меня и от нее. Ни полнамёка – за все годы. Это же стальные нервы надо

иметь.

– Я молчал, Сашок. Мучился, но молчал.

– Но почему?

– Боялся...

– Ты? Боялся? Чего ты мог бояться? Зинуля – душевный человек. Ее, что ли, боялся?

– Именно!

– Ну, ты совсем скопытился. Честное слово!

– Я боялся поначалу того, что она даст мне от ворот поворот. Да, мы долгие годы были коллегами, отношения между нами были дружескими. Но я видел, что не являюсь ее принцем и не могу претендовать на большее, чем на отношения коллеги с коллегой.

– Но ты же даже попыток сблизиться не предпринимал. Как можно рассчитывать на что-то, если не сделал навстречу ни одного шага?

– Повторяю: боялся отказа. Это сначала. Потом она встретила своего избранника, вышла замуж, живет счастливо. И слава Богу! Не смог признаться сначала, зачем рвать душу потом, спустя годы, когда уже ничем не поможешь.

– Все равно не верю. Ведь за столько лет ни единого намека.

– Намеки были, Сашок, но ни ты, ни она не замечали. Переводили все в шутку. А я любил ее, безумно любил! Мне тогда казалось: позови она меня на край света – все бросил бы и ушел с ней. Ничто бы не смогло меня остановить на пути

к счастью.

– И она до сих пор в полном неведении, да?

– Теперь и не надо ей знать. У неё семья, у меня тоже. Все, что было четверть века назад, уже неважно, не существенно и никому не интересно.

– Черт побери, если бы только знать, я бы...

– Ты бы, Сашок, ничего не сделал.

– Почему?

– Сердцу не прикажешь. Если бы она испытывала ко мне какие-то чувства, кроме, конечно, дружеских, то тогда другое дело.

– Откуда тебе знать, что она испытывала по отношению к тебе?!

– Это было видно.

– Если ты сумел так скрыть чувства, то почему ты считаешь, что она не поступила аналогичным образом? Вспомни, как долго она тянула с замужеством? Не исключено, что из-за тебя, паршивца.

– Не из-за меня. Рылась в претендентах на руку и сердце, благо их у нее было много. Хорошо хоть, что не ошиблась в выборе.

– Нет, психи, честное слово, психи! Причем оба. Вот это сюрприз так сюрприз для меня. Кто бы мог подумать, что мой друг так страдает из-за неразделенной любви. И к кому?! К человеку, который многие годы был рядом! Правильно говорят: чужая жизнь – потемки. Даже тогда, когда эта

жизнь проходит на твоих глазах. Да...

– Сейчас многое забылось, рана затянулась. Так что будем жить.

– И ты так и не откроешься Зинуле?

– Теперь – никогда. И тебя прошу молчать. Как самого преданного друга прошу.

– Ладно-ладно... Если просишь... Но хоть бы слово сказал! Тогда...

– Ты не спрашивал, я же считал неудобным затевать этот разговор.

– И я тоже хорош. Ведь меня так часто подмывало спросить тебя, попытать на эту щепетильную тему. Нет, не отважился. Глупец! Считал неудобным лезть человеку в душу. Если бы...

– Давай на этом тему закроем. И навсегда, хорошо?

– Обидно же, как обидно! Два хороших человека были рядом со мной, и я не смог помочь найти друг друга.

– Значит, судьба.

– Может быть... Может быть... Хотя... Нет, решительно нет: с такой судьбой я не согласен. Не судьба это, а глупость людская!

4

Сегодня «Спиридон» демонстрирует чудеса самообладания. Вот даже сейчас он рассчитывает, что все обойдется

и до крайности дело не дойдет.

– Хватит, «Шило», бесконечно талдычить об одном и том же. Почти час толчём воду в ступе. Я вижу, что мы друг друга не поймем.

– Конечно, не поймем, «Спиридон». За твоими красивыми словесами кроется одно: ты идешь по той же дорожке, что и «Курдюк» когда-то шел. Ко мне ты придираешься, потому что чувствуешь соперника...

– Ты?! Соперник?!

– Кто же, как не я?

– Не смей!

– Плохо кончишь, «Спиридон». Откажись от лидерства. Добром прошу.

– Ты так и ничего не понял, – «Спиридон» встал со стула. – Пеняй на себя...

– Угрожаешь? Мне? А что, если об этом узнают другие?

– Они все знают.

– Как это «знают»?

– Очень просто.

– Нет, ты выражайся яснее.

– Ты знаешь хорошо наши порядки. Был уговор, да? Ты с ним согласился, да? Почему нарушаешь, «Шило», наш уговор? Ты же знаешь, что у нас за это бывает?

– Кончай стращать. Не из пугливых.

– Что ж, мне больше нечего сказать. Прошу без обид. Я делал все, чтобы поладить миром. Ты не захотел. Не пошел

навстречу. Ты сделал свой выбор.

– Ты... ты угрожаешь?! – «Шило», в ярости сжимая кулаки, подскочил к «Спиридону». – Да я... По стенке тебя размажу, слизняк!

«Спиридон» легонько отстранился от него.

– Мне поручено сообщить, что братва единогласно решила в отношении тебя провести профилактические мероприятия. Чтобы впредь вел себя хорошо и на своих хвост не задира. Сегодня – в щадящем режиме. Если не уймешься, то мероприятия в отношении тебя будут ужесточены.

«Шило» вновь сжал кулаки.

– Я тебя сейчас...

В тренировочный зал вошли двое парней в спортивных трико. «Спиридон» обратился к ним:

– Мужики, у человека чешутся кулаки. Избавьте его от этого недуга. Тем более, что вы жаловались, что надоело отрабатывать удары на «груше», что требуется живой материал, – он показал рукой в сторону побагровевшего «Шило», который лишь открывал рот, но сказать ничего не мог. – Вот вам и «материал» – достаточно живой и достаточно вёрткий. Вам он понравится.

«Спиридон» отошел в дальний угол зала, сел в кресло, взял с журнального столика какой-то журнал и стал листать, не обращая больше никакого внимания ни на «Шило», ни на парней-боксеров.

Парни приблизились к живой «груше». «Шило в ярости

зарычал:

– Только посмейте! Кости переломаю! А-а-а, – это он так отреагировал на полученный первый удар в грудную клетку. Удар был настолько силен, что тот отлетел метра на три и распластался на полу.

Корчась от боли, «Шило» все-таки встал на ноги самостоятельно. И тут началась настоящая молотьба. «Шило» не давали во второй раз упасть, и он отлетал от одного боксера к другому, как резиновый мячик. «Шило» выл, стонал, скрежетал зубами от боли, но ничего не мог поделать: удары сыпались на него, как из рога изобилия. Чувствовалось, что парни отрабатывают на нем удары самым добросовестным образом.

Минут через пять «Спиридон» оторвался от журнала и спокойно сказал:

– Ребята, вы с ним поосторожнее: как-никак депутат Думы, завтра ему заседать. Нехорошо, если появится наш законодатель с разбитой мордой.

– Не беспокойтесь, шеф, – откликнулся один из боксеров. – Мы свое дело знаем. Мы по правилам ринга, то есть бережно.

– Ну-ну.

«Спиридон» вновь уткнулся в журнал. «Шило» взвыл. Но теперь уже не от боли, а от унижения. И тотчас же на него с прежней интенсивностью посыпались боксерские удары. Парни обливались потом, но продолжали азартно молотить.

«Шило» уже не мог стоять на ногах. И теперь один поддерживал, а другой наносил удары. «Шило» истошно завопил, видимо, собрав все силы:

– «Спиридон», ради Христа избавь меня от этих бегемотов? Убьют же! Умоляю, сделай что-нибудь...

– Что-что? – «Спиридон» встал со своего места, боксеры прекратили молотьбу, «Шило» валялся у них в ногах. – Я не ослышался, нет? Кажется, кто-то просил пощады?

«Шило» с трудом поднял голову от пола.

– «Спиридон», кончай туфтить, – еле слышно прохрипел он. – Убьют же, если не остановишь. Пощади. Ну, пожалуйста... Извини меня... Виноват я... И не только перед тобой, а и перед другими братками.

«Спиридон» подошел, склонился над ним.

– Будешь впредь хорошо себя вести? Да?

– Буду... обещаю... – прохрипел он.

– Хорошо, – он обернулся к боксерам. – На первый раз хватит, парни. Надеюсь, отвели душу?

– Сполна, шеф. Но... – боксер замялся, не решаясь сказать.

– В чем дело?

– Мстить будет.

– Не думаю, парни. Если, конечно, он хочет жить. Он, надеюсь, не дурак. И зла таить на тех, кто исполнял коллективное решение, не станет. Хочу верить. А иначе...

«Спиридон» подошел к вешалке, надел куртку, шапку, ру-

кавицы, отворил дверь, чтобы покинуть зал. И тут его застал еще один вопрос боксеров:

– А что с ним?

– Помогите прийти в норму после боксерского поединка. Ну, там сделайте все, что полагается в таких случаях. Мужик он жилистый и думаю, что к завтрашнему заседанию городской думы обретет прежний лоск.

5

Женька Зубов – дитя почитаемых в небольшом уральском городке Верхняя Тура родителей – рос баловнем. Отказа ему не было ни в чем. Чего бы не захотел этот белокурый мальчуган – желание исполнялось тотчас же. Маменькин сын, потому что Клавдия Алексеевна, педагог одной из школ, в своем единственном чаде души не чаяла. И баловала. Такая возможность у нее была: семья жила в достатке. Ее зарплата – не ахти, конечно. Но бюджет семьи держался не на ней.

Семен Ильич Зубов – мужчина под два метра роста, с копной смоляных выющихся волос на голове и густыми, длинными бровями, широкими скулами и мясистым носом, несколько портящим его внешность, – на службе считался жестким и властным человеком. Его боялись. Дома же он, капитан первого ранга и главный военпред единственного в городке машиностроительного завода, был типичным подкаблучником, то есть под каблуком у Клавдии Алексеевны,

которая из него веревки вила. А он и слова поперек сказать не смел. Вполне естественно, что главное и решающее слово в воспитании сына всегда оставалось за Клавдией Алексеевной.

В детстве Женька часто болел, то есть пошел не в отца, и выглядел хилым ребенком. Но считался чистым бесенком. В детском саду отбирал игрушки у старших, обижал более крепких, чем он сам, детей. Ему это нравилось. Воспитательница робко жаловалась Клавдии Алексеевне. Но та лишь гладила Женьку по головке и говорила: «Мальчик должен расти подвижным».

Затем школа. И та же история. Окружил себя парнями, которые по его приказу готовы были на все. Не за так, конечно. Избили, например, одноклассника, а в награду получили из рук Женьки по маленькой шоколадке.

В шестом классе Женька сбежал из дома и укатил в Москву, прихватив всю маменькину наличность. Беглеца задержали на Ярославском вокзале, поместили в детприёмник, сообщили родителям. Мать съездила и забрала любимое дитя.

Семен Ильич вознамерился выпороть сына флотским ремешком, но на пути его встала Клавдия Алексеевна. Отцовская затея потерпела крах. А сынок, видя это, только ухмылялся. И вскоре вновь ударился в бег. Потом еще и еще.

В шестнадцать, не успев закончить школу, за злостное хулиганство угодил в детскую исправительную колонию на два года. Пробыв там год с небольшим, вернулся под маменьки-

но крыло. В школу не пошел. И на работу устраиваться также отказался.

В двадцать опять угодил за решетку. Но теперь уже по более серьезной статье – разбой организованной группой. В группе, конечно же, он не был лидером. Группа занималась тем, что промышляла на автостраде Екатеринбург-Серов, нападая на проезжающий транспорт. За ним и его подельниками числилось девять эпизодов.

Несмотря на это и на то, что за Женькой уже числилась одна судимость, он получил лишь пять лет, меньше других.

Отбывал срок в одной из колоний Нижнего Тагила. Освободился на полтора года раньше. Как явствует из документов, за примерное поведение и в связи с тем, что встал на путь исправления и больше не представляет опасности для общества.

Дружки по «зоне» присоветовали остаться в Нижнем Тагиле. Мол, здесь помогут. А он и не собирался возвращаться домой. Он даже матери не сообщил, что досрочно освобождается. Хотя та приезжала на свиданку всего месяц назад.

Выйдя за проходную колонии, он сел на трамвай номер один, идущий на Вагонку. Проехал три остановки. Вышел. Пошел по названному ему в «зоне» адресу. Это оказалось обычное общежитие, где его уже ждали. Несмотря на отсутствие паспорта, его сразу, не спрашивая ни о чем, устроили, выдали на руки полкуска. Он поднялся на четвертый этаж, нашел свою комнату-пристанище, швырнул тощий рюкзак-

чок, спустился вниз, вышел на улицу, в первой же палатке купил «пузырь», кусок колбасы, нарезной батон, вернулся к себе и все это за раз «приголубил». Упал на кровать и заснул.

Проснувшись утром, обнаружил на столе записку, написанную чьей-то рукой: «В отношении своего будущего: через три дня тебя ждут на станции Старатель, в ночном клубе. Спросить «Кривого». И больше ничего.

Женька ухмыльнулся.

– «Общак» – это здоровски, – сказал он вслух и пошел умываться.

И вот он здесь, на станции Старатель. Он подошел к ограде и стал бить ногой в металлические прутья ворот.

– Эй! Кто там! Откройте!

Из будки вышел парень в камуфляжной форме и с резиновой дубинкой в руках.

– Чё пасть дерёшь? – спросил он и критически оглядел пришедшего. – Чё надо?

Это Женьку не смутило.

– Я – к «Кривому»... «Кривой» мне нужен.

– Кто такой этот «Кривой»?

– Не знаю. Мне сказали, я пришел.

Ни слова не говоря, парень ушел в будку, оставив дверь открытой. «Ага, – подумал Женька, – пошел докладывать по начальству». И, действительно, он услышал, как парень кому-то говорит:

– Хмырь тут один объявился. Тебя спрашивает. Говорит, что ему сказали, чтобы пришел сюда... Как-как выглядит... Обыкновенно... Видимо, только-только оттуда... Пропустить?.. Понято... Ясненько...

И тут ворота отодвинулись на немного, но достаточно, чтобы пройти человеку. Из будки выглянул все тот же парень.

– Иди!

Женька направился к центральному, судя по всему, входу в бар. Но его остановил все тот же голос.

– Не туда.

– А куда? – Женька остановился.

– Парадные двери не для таких, как ты. Слева, с торца бара, дверь есть. Вот тебе туда.

Там его встретил мужчина интеллигентного вида. В черном фраке, белоснежной рубашке с розовой бабочкой вместо галстука, с короткой стрижкой. На указательном пальце правой руки большой перстень с дорогим, судя по всему, камнем. Пробежав критическим взглядом довольно щуплую фигуру, мужик коротко бросил:

– Пошли!

Он шел впереди, за ним, с трудом поспевая, Женька. Они прошли один полутемный коридор, потом второй и вышли в зал, где в этот час не было никого. Но все столики сверкали белоснежными скатертями, из дальнего угла доносилась приглушенная музыка. Горели несколько бра. Они подошли

к одному из столиков.

– Присаживайся! – бросил мужчина. Женька присел. – Жрать, поди, хочешь? – Женька утвердительно кивнул, потому что он действительно с утра еще ничего не ел. – Сейчас, – он ушел и вернулся через минуту, неся в руках поднос. Поставив на стол, он присел. – Ешь.

Женька, изучив принесенное, остался доволен. Там была огромная, наполненная до краев, тарелка борща, на поверхности которого плавала сметана, и от которого шел пар и вкусный дух; гигантский, по его меркам с ладонь, бифштекс с картофельным пюре; бокал с чаем, но, главное, что он с радостью заметил и оценил, – много-много хлеба. Через минуту тарелка с борщом была уже пуста. Женька взял тарелку в руки и, облизав ее до суха, отставил в сторону. Он придвинул тарелку с бифштексом, взял вилку, но есть не стал. Он, кивнув в сторону стойки бара, где выстроились батареи разных горячительных напитков, вкрадчиво сказал:

– Налил бы чего-нибудь...

Но тотчас же был осажен.

– Еще чего?! Уж больно ты прыток, как я погляжу.

Женька тяжело вздохнул.

– У-у-у, жмот, – без злобы произнес он и принялся вновь за еду.

Ему на это понадобилось не более десяти минут. Выпив чай и доедая последние куски хлеба с тарелки, чтобы не оставлять, откинулся на спинку стула и произнес:

– Кажется, наелся.

– Кажется? Ну, и прожорлив же ты, братец! Тебя проще убить, чем прокормить.

– Убить?! Ты что, в самом деле?! Зачем так говоришь? Я ничего не сделал, чтобы убивать.

– Ладно, говори, что тебе надо? Зачем пришел?

– Мне сказали, я пришел, – повторил вновь Женька.

– Работу любишь?

– Это смотря какую, – ответил Женька и рассмеялся.

– Работа тебя ждет не пыльная, но хлопотная.

– То, что не пыльная, – это хорошо. То, что хлопотная, – это плохо. Пока равновесие. Склонить в мою пользу чашу весов могут только «бабки»... Сколько?

– Что «сколько»?

– Сколько бабок положишь?

– Еще не знаешь, чем станешь заниматься, а уже про бабки запел.

– Бабки – первое дело. К тому же вашу «работу» знаю. Не гендиректором же этого заведения собираешься назначить?

– Это правда, не гендиректором. Во-первых, для тебя слишком рано, дорасти еще надо. Во-вторых, сия должность не является вакантной.

– Ну, вот! А для «пехоты» занятие известное: харю кому-либо расквасить или уличную торговку, отказывающуюся платить оброк, припугнуть. То есть, вся грязная работа –

наша. Вы купоны стрижёте, мы в дерьме купаемся.

– Тебя что-то не устраивает? – прищутив глаза, мужик зло посмотрел на Женьку.

– Да, нет... Что ты, хозяин... Это я так...

– Я – не хозяин. Здесь другие хозяева. Но для тебя лично – да. Пока. Будешь работать под моим личным руководством. Так решили наверху, – он показал пальцем вверх. – В твоей трудовой книжке будет записано, что ты являешься сотрудником частного охранного предприятия «Сокол». Выдадим весь комплект камуфляжной формы, наручники, резиновую дубинку. Место работы – площадь перед вокзалом станции Нижний Тагил. Характер работы: сбор налога на право торговли. Сколько платить – торговцы знают. Если будут изменения, в связи с инфляцией, то ты им сообщишь.

– Сколько положишь?

– Кусок.

– В день?

– В месяц.

– Но это же мало!

– Да, немного, но зато надёжно. Кроме того, в качестве вознаграждения будешь получать десять процентов с оборота.

– Что это значит?

– Десять процентов с суммы собранного налога. Так сказать, как потопаешь, так и полопаешь.

– Ну, это еще куда ни шло. Раз в месяц пройтись да со-

брать со всех – без проблем.

– Ты больно приткий. Ты будешь там постоянно. Торговцы всегда должны ощущать твое присутствие, так сказать, наше незримое око. В твои обязанности будет входить поддержание порядка и разрешение конфликтов.

– Каким способом?

– Как придется. Но без криминала, понял?

– Не знаю, как, но буду стараться.

– Сделай одолжение.

– Что делать, если в зоне моей ответственности объявится чужак?

– Немедленно доложишь мне. Если, конечно, самому не удастся решить проблему.

– А на территории автовокзала... тоже?

– Сунешься туда – получишь по носу.

– Почему?

– Потому что ту территорию контролируют кавказцы.

– А внутри железнодорожного вокзала?

– Туда тоже не суй нос, потому что те торговцы платят подати транспортным «ментам». Так сказать, раздел сфер влияния. Тебе все ясно?

– Да.

– Тогда – несколько предостережений, так сказать, инструкция по технике безопасности. Во-первых, не вздумай нас дурить. За лихоимство наказываем строго. Наш суд и скорый, и правый. Знай! Во-вторых, никакой уголовщи-

ны...

– Что, и пару раз дубинкой уж нельзя вмазать?

– Дубинка – это средство психологического, а не физического воздействия. В-третьих, при сборе налога никаких записей.

– Но как же я всех упомяну?

– Это твоя проблема. В-четвертых, никаких конфликтов с «ментами».

– А если станут доставать?

– Улаживай миром. С ними мы должны дружить. Лучше, если твои пути с «ментами» не будут пересекаться. На самый крайний случай – плати отступное. Правда, уплаченную тобой сумму я вычту из причитающегося тебе вознаграждения. Такие у нас правила. Учти: «завалишься» – ты нас не знаешь, мы тебя тоже.

– Тут не покайфуешь... А я-то подумал...

– Кстати. Жить будешь там, где сейчас. До тех пор, пока не обзаведешься своей хатой.

– Правила у вас какие-то странные... Непривычные для меня.

– Наши правила, дружочек, не странные, а цивилизованные. И чем дольше ты их будешь придерживаться, тем дольше продержишься на свободе.

– Буду стараться! Век свободы не видать!

– Мы надеемся.

– Кто это «мы»? – спросил Женька.

– Мы – это мы, – загадочно произнес «Кривой» и встал из-за стола, намекая, что аудиенция слишком затянулась.

Женька тоже встал и решил напоследок еще раз попытать счастья. Он кивнул в сторону стойки бара.

– Может, шеф, все-таки плеснешь чего-нибудь?

– Не дожدهшься. У меня тут не дом призрения. Плесну лишь тогда, когда заслужишь, – он указал рукой на стоящий у стенки баул. – Возьми. Там подручные средства и спецодежда сотрудника частного охранного предприятия. Завтра – за работу. Хватит сидеть на казенных харчах.

Глава 3. Депутат

1

Евгений Дмитриевич Шилов, депутат городской Думы, поднялся к себе на второй этаж, открыл ключом дверь кабинета, вошел, приблизился к рабочему столу и, заметив на столешнице пылинки, скривился.

– Сволочи! Все хотят хорошо жрать, но не хотят хорошо работать, – произнес он вслух и добавил. – Придется свою уборщицу нанять.

Он грузно опустился в кожаное кресло с высокой спинкой: кресло под ним издало жалобный визг. Шилов вновь сгримасничал. Он потянулся к перекидному календарю, ручкой, лежавшей перед ним, сделал запись: «Завхоз! Новое кресло!!!» Три восклицательных знака означали, что депутат возмущен до предела.

Лежавший в правом кармане пиджака мобильный телефон подал свой голос.

– Да... Ты где?... Здесь?... Само собой, жду... Сейчас, вишь ты! До пленарного заседания – всего ничего.

Выключил телефон и отложил в сторону. Встал. Подошел к холодильнику. Открыл. Взял бутылку пива «Балтика», повертел в нерешительности в руках и вернул на место. Достал бутылку «Обуховской». Налил полный стакан и выпил. По-

том еще налил стакан и выпил. Крякнул и вернулся на место. Кресло опять запищало. Он вновь сgrimасничал.

Сегодня он болезненно реагирует на любую мелочь. Потому что встал с головной болью. Вчера он с приятелями выезжал на природу. Там были его фирменные шашлычки. Не те шашлычки, что продаются на каждом шагу, приготовленные либо из свинины, либо из говядины. Его шашлычки были настоящие, то есть из молодого барашка. Ну, а где шашлычки, там и его любимая водочка «Кристалл». Опять-таки не та водка, которую продают везде, а та, московского разлива, доставленная ему из столицы. Москвичи, даже в условиях рынка, остаются людьми, по его мнению, ушлыми: себя считают элитой, гурманами, а потому им – все самое качественное; в провинцию же отправляют по безумным ценам, так сказать, второсортное.

Короче, набрались к вечеру. Он – тоже. В чем, в чем, а в этом он никому не уступает. Перебрав, вчера, сегодня болеет. Полечиться бы, но нельзя: сегодня у него день ответственный. Он должен на пленарном заседании городской Думы всем утереть носы. Убедительно показать, что могут деловые люди из частного бизнеса и чего никогда не смогут коррумпированные и крайне ленивые толстозадые представители муниципальной власти.

Он достал из стола баночку с вьетнамским бальзамом, понюхал виски, почувствовал сразу же холодок и некоторое ослабление головной боли.

В кабинет кошачьей походкой вошел его помощник, под два метра ростом, но страшно худющий, кожа да кости. Остронос. Бегающий и хитрый взгляд карих глаз. На голове редкие рыжеватые волосы тщательно прилизаны. Ему двадцать четыре. Почти два года назад закончил факультет журналистики Уральского госуниверситета. Основное место работы – редакция городской газеты «Тагильский труженик».

Он входил в предвыборный штаб. Там и попал на глаза Шилову, который сразу обратил внимание на шустрого паренька. «Проныра, – подумал Шилов. – Он-то мне и нужен». После победы на выборах официально взял себе в помощники. Разумеется, по совместительству. Шилову не выгодно было, чтобы он уходил из «Тагильского труженика» – как-никак, а самая тиражная и наиболее (по-прежнему) популярная газета в городе. Не горел желанием уходить и молодой журналист. Причины были. Нет, не материальные. Одна из самых весомых причин – он являл собой третье поколение журналистов, работающих в «Тагильском труженике».

Его дед Еремей Павлович Южаков, выходец из батраков села Южаково Пригородного района, в тридцатом вступил в ВКП (б). Имея за плечами четыре класса, он наострился писать заметки-доносы на зажиточных односельчан, именуя их кулачьем, эксплуататорами трудового народа. «Кулачье» бесследно после таких заметок исчезало, а селькор Ерёмка становился неподражаемо популярным. Наверное, это и послужило основанием для его назначения в 1934-м сразу ре-

дактором газеты «Тагильский труженик». В журналистике он мало что смыслил, но зато был классово близок советской власти.

Служил Южаков партии большевиков честно на ниве журналистики. Но это не помешало «загреметь» в лагерь по политической, 58-й. Кто-то, как и он совсем недавно, на него настрочил донос в НКВД. Приехали ночью и увезли редактора. Вернулся из мест не столь отдаленных изможденным никому не нужным стариком в 1956-м.

Его сын Владилен, названный так в честь вождя мирового пролетариата, после реабилитации отца смог-таки поступить на факультет журналистики УрГУ имени Горького. Закончив, получил красный диплом. Ему предлагали место в «Комсомольской правде», но Владилен категорически отказался, изъявив желание работать только в «Тагильском труженике».

Памятуя о том, что Владилен – наследник жертвы политических репрессий, его стали двигать по служебной лестнице. Уже через три года молодой журналист, обладающий бойким пером, занял кабинет заместителя редактора «Тагильского труженика». Но тут у него не заладилось. Коллеги стали часто его видеть «под мухой», причем прямо на рабочем месте, о чем поспешили сообщить, приватно, конечно, в горком КПСС, чьим органом и являлась газета. Вызвали для беседы раз, потом другой, третий. Пользы – никакой. Побеждал не разум, а Бахус, который оказался всесильным. Владиле-

на тихо переместили на должность ответственного секретаря многотиражки «Тагильский металлург», где он и пробыл до ухода на пенсию, потому что здесь сквозь пальцы смотрели на его слабость.

И вот теперь пришло третье поколение – Олег Владиленович Южаков. Внук большевика и сын коммуниста слыл еще в университете ярым антикоммунистом. Он любит говорить: «Мои предки, дурачье, служили идее, а потому либо жрали баланду в лагере, либо мантулили за гроши. Мне ни то, ни другое не подходит». И это правда...

Олег, не дожидаясь приглашения, прошел к столу и прилежался сбоку, разложив перед собой листы бумаги.

Шилов спросил:

– Ну, что?

– Согласно вашему, Дмитрич, плану выступление подготовлено.

– На сколько?

– Как вы и сказали, ровно на пять минут. Если отвлекаться не будете.

– Не буду. А то еще глупость какую-нибудь сморожу.

Олег не сумел сдержать улыбки.

– Чего скалишься? – угрюмо посмотрев на него, спросил Шилов.

– Да, так... извините, Дмитрич, – он поспешно протянул три странички, отпечатанных на принтере. – Вот, ваш текст выступления.

Шилов небрежно перебрал странички и отложил в сторону. Полез в карман и достал измятую купюру.

– Стольник... Хватит?

– Дмитрич, мы же договаривались, что за тексты выступлений, статей будет по-божески... Сделал на совесть... Подошел творчески...

– А «по-божески» – это сколько?

– Минимум, в пять раз больше.

– Вижу, парень, ты с голоду не помрешь, – пробурчал недовольно Шилов, но спорить не стал, а полез в нагрудный карман, вынул кожаный портмоне, достал еще четыре купюры и протянул. – Бери. Пользуйся, пока я добрый.

Олег обиделся и не сразу взял деньги.

– Причем тут ваша доброта, Дмитрич? Мы же договаривались: я буду хорошо делать эту работу, а вы будете за нее дополнительно и хорошо платить.

– Извини, парень, – он придвинул поближе купюры. – Бери-бери.

Олег взял купюры, аккуратно сложил и положил в свой портмоне, заблаговременно приготовленный.

– Вы пробежали бы краем глаза, – сказал он, кивнув в сторону текста. – Вдруг что не так.

– Да ты что? Я тебе полностью доверяю. Ты не подводил меня... Ну, ладно... А как там...

Олег, как всегда, понял с полуслова, что очень нравилось Шилову.

– Все в порядке. С шестого телеканала уже прибыли оператор и корреспондент. В фойе ждут. Без проволочек...

– Какие еще могут быть проволочки? – удивился Шилов. – Мы ихнему начальству каждый месяц по запечатанному конвертику вручаем. За что платим? За распространение нужной нам информации и за нераспространение вредной для нас информации!

– Интересно, сколько?

– Много будешь знать – слишком скоро состаришься.

– Избитая поговорка... Ну, ладно. Не хотите – не надо.

– А кроме шестого телеканала?

– Договорился с областным радио: я им сам подготовлю информацию и сегодня же сброшу по факсу.

– А что с «Тагильским тружеником»?

– Ну, тут совсем просто...

– Раз просто, то, наверное, не будешь и за это требовать доплату?

– Ну, уж, нет, Дмитрич?

– Я пошутил, парень.

– Договорился с шефом, что мне на первой полосе заголовочного номера оставят местечко для коротенькой информационной заметки... Собственно, текст у меня уже готов. Хотите прочту? – Шилов в знак согласия кивнул. И Олег прочитал. – Депутат Шилов, прошедший на выборах от НТПС «Высокогорье», вчера, выступая на пленарном заседании городской думы, сделал сенсационное заявление.

Он обвинил своих коллег-депутатов в том, что они, лоббируя интересы крупного бизнеса, получают за это существенную мзду. В частности, по его мнению, этим грешат депутаты, прошедшие по списку КПРФ. В мздоимстве был обвинен, например, депутат Огородников. И Шилов в любое время готов доказать свое обвинение в суде».

– Отлично! Ты молодец! Спасибо!

– За спасибо шубу не сошьешь.

– Ну, и хапуга же ты, а?! На уме – одни бабки.

Олег возразил:

– Никакой я не хапуга. Я получаю то, что зарабатываю головой. Одни зарабатывают ногами, другие кулаками, а я – головой. Что же касается денег, то и вы, я думаю, Дмитрич, от них не отказываетесь.

– Ты прав: от денег не отказываюсь. Предпочитаю, чтобы их было как можно больше.

– Ну, вот...

– А, что, подробный отчет в «Тагильском труженике» будет?

– Обязательно. Об этом я тоже с шефом договорился. Представлю вас, Дмитрич, в лучшем виде. Можете не волноваться.

– Рад слышать. Ты для меня – настоящая находка.

– Находка, но лишь до той поры, пока платите, Дмитрич. Кстати, по итогам года неплохо бы от НТПС получить в подарок машинёшку. Предпочтительнее – «Вольво». Как счи-

таете?

– Ну, до конца года еще дожить надо. Не рановато ли заводишь речь?

– В самый раз, Дмитрич. Раньше – лучше. Гарантия, что не забудете. Так как, а? Есть шанс?

– Могу лишь обещать, что этот вопрос поставлю на исполнении ОПС.

– Так есть шанс?

– Шанс есть всегда, парень.

– Вы только не забудьте, Дмитрич.

– Ты не дашь забыть, – поддел Шилов и захохотал.

2

Васек крутанул баранку вправо и «Мерседес на большой скорости въехал во двор многоэтажного кирпичного дома. Вот и желаемый шестой подъезд. Он затормозил. И подал звуковой сигнал, давая знать, что он уже на месте, что «карета» подана. На балконе четвертого этажа появилась молодая женщина с распущенными белокурыми и густыми волосами. Она слегка перегнулась через перила и рукой дала знать: поднимайся, мол, в квартиру.

Парень недовольно покачал головой и хмыкнул. Ему это не понравилось. Шеф, посылая, сказал, что супруга будет уже ждать внизу, у подъезда. А тут... Зачем ему подниматься? Совсем ни к чему. Впрочем, подумал он, надо, наверное,

помочь женщине тяжелую сумку спустить.

Он вышел. Поднялся на четвертый этаж. Там когда-то было три двери и, соответственно, три квартиры. Теперь дверь одна, так как квартиры объединены в одну. Шеф сделал перепланировку и евроремонт. Хотел нажать на кнопку звонка, однако, заметив, что дверь слегка приоткрыта, толкнул и вошел. Его встретила хозяйка. Он остановился, выказывая тем самым, что у него нет никакого желания задерживаться здесь надолго. Потому что хозяин ограничил во времени.

Хозяйка же, судя по ее внешнему виду, наоборот, никуда не спешила. Она, поправляя на голове влажные волосы, загадочно улыбалась. Ее серые глаза, судя по всему также влажные, оценивающе проскользили по парню сверху вниз, на секунду задержались на ширинке, где даже джинсы не могли скрыть бугор, и остались довольны увиденным.

На хозяйке был яркий и длинный халат из китайского шелка, небрежно запахнутый, но готовый в любую секунду раскрыться. Красивые груди чуть ли не вываливались наружу, дыша свежестью и чистотой, а сквозь прогалину, образованную полами халата, виднелась почти вся верхняя внутренняя часть немного полноватых голых бёдер.

«Да на ней ничего нет, – отметил про себя парень. – Странно все это. Может, передумала с поездкой по магазинам?»

Парень, переминаясь с ноги на ногу, смущенно сказал:
– Тамара Васильевна, вы... это... поторопились бы... ес-

ли, конечно...

Хозяйка, продолжая все также загадочно улыбаться, показала рукой в сторону гостиной.

– Проходи, Васёк, проходи. Устраивайся на диване, а я сейчас, еще минуту, другую и буду готова.

Парень ничего не сказал, а только подумал: «Тут минутой не обойдешься».

– Но шеф... – попробовал возразить парень, однако этого ему не дали.

– Проходи, говорю! – уже властно произнесла хозяйка и добавила, – А с твоим шефом ничего не случится. Подождет!

– Но...

– Я что сказала?!

– Извините.

Парень послушно прошел в гостиную, устроился, где было приказано, нервно перебирая в руке связку ключей. Ему показалось странным то, что следом за ним вошла и хозяйка, села рядом с ним. Присела в пол-оборота. Присела так, что полы халата распахнулись. Парень подумал: «А под халатом-то и в самом деле ничего». Оторопел. Он постарался не смотреть в ее сторону, но глаза предательски, независимо от его воли и желания, все-таки устремлялись туда, вглубь, где отчетливо просматривались аккуратно подстриженные каштановые кудряшки с капельками воды на них. «Она только что из ванной!» – подумал парень, и по моло-

дому его телу пробежала дрожь. Тотчас же представил себе, как эта женщина лежит в пенных облаках, в просветах которых отчетливо проступает холм Венеры, и лениво, наслаждаясь, поглаживает свои все еще упругие груди, пощипывает вздыбленные розоватые соски. «Хороша, стерва! – подумал он и из груди вырвался вздох. – Как говорится, хороша Маша, да не наша».

Хозяйка правильно поняла его вздох, поэтому положила руку ему на ногу, выше колена, а прелестными пальчиками надавила в пах: ну совсем-совсем рядом!

Парень не из тех, кто на баб бросается, как изголодавшийся пес на хороший кусок мяса; не Донжуан, конечно; не бабник какой-нибудь. Но все же он живой и не может уж совсем-то не реагировать соответствующим образом на столь откровенные поползновения этих шаловливых пальчиков.

Хозяйка, видимо, почувствовала парнишечью восставшую плоть и потому, глядя в глаза, прямо спросила:

– Ты хочешь?..

– Я? Что хочу?! – не понял парень или сделал вид, что не понял.

– Ну, какой ты, честное слово, тупой! – и уточнила. – Бабу хочешь?

– Какую бабу? – парень не робкого десятка, но и он от такой прямоты засмутился.

– Например, меня, – ответила она и тотчас же спросила. – Я тебе нравлюсь, а? Скажи, нравлюсь? Ты бы стал, а?

– Тамара Васильевна, вы... это... Зачем... нехорошо, совсем нехорошо... Вы же жена моего шефа и он...

Она громко рассмеялась.

– И только-то?! И это единственное препятствие?! Ты еще совсем зелёный. Ну, и что? Жена шефа не женщина? Она не имеет права чуть-чуть побаловаться с таким молодым и таким миленьким парнем? – она будто нечаянно провела ладонью, слегка надавив, по ширинке, проверяя температуру мужского «градусника». – Ну, как? А?

Парень, отчаянно сопротивляясь охватившему его желанию, чуть-чуть отодвинулся от хозяйки в сторону.

– Нельзя это, – слабея, сказал все же он. Он пытается отвести взгляд от полностью открывшейся женской промежности из-за еще шире раздвинутых ног, в результате чего вся прелесть пылающего жаром женского естества оказалась как на ладони.

Его обуревало желание. Он продолжал из последних сил сопротивляться, но соблазн был настолько огромен, что еще чуть-чуть и он упадет к ее ногам. Он со всей страстью разгоряченного молодого мужчины набросится на нее. Набросится как лев на только что пойманную добычу. Вот-вот и последние силы для сопротивления иссякнут. Он растерзает ее! Он войдет в неё! И долго-долго станет упиваться ею!

Хозяйка прочитала его мысли и не стала ждать того самого «вот-вот». Она повалила парня и впилась в его губы своими губами. Поцелуй, так показалось парню, длился вечно.

Он молчал и только, закрыв глаза, блаженно улыбался.

Вот женщина порывистыми движениями стащила с парня пиджак, рубашку, дернув вниз «молнию» на ширинке джинсов, преодолевая тесноту, проникла рукой внутрь. Ее горячая и нежная ладонь обхватила до предела напряженную мужскую плоть. И это все! Парень уже не мог сопротивляться. Он, закрыв глаза, лишь бормотал нечто.

– Что... что вы делаете, хозяйка. Шеф ведь... о-о-о... Как замечательно!.. Убьет, если... Что я с его женой...

– Успокойся, дурачок, – ласково промурлыкала ему в ухо женщина. – Откуда ему знать? Будем знать только ты и я. Это будет наша маленькая тайна, хорошо, малыш?

– Убьет... Честное слово убьет, – продолжал слабеющим голосом парень.

Женская рука стянула с него штаны, а затем и плавки, бросив их на пол.

Кобылица оседлала молодого жеребца.

И Васек отключился. Теперь ему было совсем-совсем нестрашно. Никого и ничего нестрашно! Страх ушел. А на смену ему пришло страстное, необузданное, нестерпимое желание насладиться этим разгоряченным женским телом, от которого исходил сладковатый и дурманящий, лишь больше возбуждающий запах розового масла.

Он забыл про все! Он вспомнит, но это будет потом. А сейчас весь мир сосредоточился для него вот на этих, как он и предполагал, упругих небольших грудках, напряженно

торчащих в разные стороны сосках; на этих немного припухлых бедрах и необыкновенно стройных ножках, округлых ягодицах; на этих розовых в экстазе открытых бархатистых губах, красиво обрамляющих рот, откуда вырываются страстные, необычайно возбуждающие парня, вскрики-всхлипывания; на этих манящих воротах рая, распахнутых для него, ради него, во имя его. И парень по-звериному зарычал от избытка наслаждения.

3

Фомин, встав со стула, который тотчас же облегченно вздохнул, с наслаждением потянулся, разминая старые косточки, и собрался было выйти из кабинетика, но его остановил затрезвонивший телефон. Он без особой охоты дотянулся до трубки.

– Алло!.. У телефона?.. Подполковник Фомин... Так точно... Что?! Генерал Краснов будет?.. Понял. Жду... Так точно... Здравия желаю, Ваше Превосходительство!.. Что?.. Не по Уставу? Это пока не по уставу, господин генерал... Зато по-русски, в лучших российских традициях... Понимаю... Виноват, господин генерал. Молод еще, исправлюсь. Время есть... Что?.. Извините, это шутка такая моя... Так-так... Понял, что ближе к делу... А что вас интересует?.. Понял... Да... Я могу приехать с докладом... Да... Хорошо, направляю рапорт... Да... Никак нет, я не тяну кота

за хвост... Прошло всего ничего – три месяца... Много?.. Я так не считаю... Здесь несколько лет плели лапти языками... Разве не так?.. А ситуация сейчас, я считаю, нормальная. Занимаемся анализом. Шерстим помаленьку. Не так быстро, как хотелось бы, но продвигаемся и продвигаемся в нужном направлении... Ищем хоть какие-то следы... Да... так точно... Слушаюсь... Я вас прекрасно понимаю... Ну, конечно... Да... Есть надежда, есть!.. Я не отступлюсь, если вы позволите, конечно, но докопаюсь до истины. Она, истина, значит, где-то совсем-совсем рядом... Откуда?.. Интуиция подсказывает... Обещаю... Нет, искусственно затягивать розыск не стану. Не в моих интересах. Хотя и люблю тагильчан, но в Екатеринбурге все-таки лучше... Дома?.. Всё, говорят, в полном порядке... Как и положено в семье офицера полиции... Нет-нет, им не привыкать... Ничего, перебьются... Разумеется, сразу... Сообщу, конечно... Воробьев недоволен? Мной?.. Что редко выхожу на связь?.. Не в моих правилах с разными пустяками лезть к начальству, тревожить понапрасну... Да... Но разве есть недовольные?.. Я здесь ни от кого и ничего не слышал. Работаю в тесном взаимодействии, насколько, конечно, это возможно... Две проблемы, господин генерал: первая – местное руководство назойливо любопытствует насчет оперативной информации... Понимаю, что это понять можно. Но ведь и меня тоже надо понять... Чего я буду балаболить, если... И вторая проблема, сходная с первой: пресса одолевает... Я все понимаю,

но спасу нет... Понимаю, что следует мирно сосуществовать, однако... Что вы, я не скандалю: отбалтываюсь, как могу... Ну, вот и вы понимаете, что нельзя трезвонить насчет оперативной разработки... И без того приходится держать ухо востро... Потому что наблюдаю некоторую утечку информации... Пока пустяковая, но все равно... Доложу лично... есть, очень много здесь есть людей, проявляющих болезненный интерес к тому, чем мы занимаемся... Да... Понимаю, что дело обычное и привычное... Спасибо!.. Служу Отечеству!.. Конечно, передам... А как же! Они у меня молодцы: носами землю роют... Согласен: видимого результата нет... Пока нет, но все еще впереди... Хорошо... Еще раз благодарю.

Фомин положил трубку, встал, вышел из-за стола и заходил по кабинетику. Туда: раз, два, три, четыре шага. Обратно: раз, два, три, четыре шага. Как маятник. Это – явный признак его нервного возбуждения. Разговор с генералом не прошел бесследно. Он, измеряя шагами небольшое помещение, выделенное городским управлением, недовольно бурчит себе под нос:

– Ну, что же это за начальство такое, а? Ать, два и – в дамках, что ли? Так только в сказках. Не понимает, что ли, начальство, что самое проблемное в оперативном розыске – это наверстывать упущенное. Два года с лишним нишили, ни пороли, а теперь же – вынь да положь... Ишь, какие торопыги. Их бы на мое место... Да... Но генерал так про-

сто не позвонит. Неужели уже дают? Сомнительно очень. Впрочем, Чайковский был прав, предупреждая, что теперь у тагильчан наверху есть свой влиятельный человек. Краснов не может с этим не считаться, — Фомин хлопнул себя по лбу. — Ну, конечно, это он, прокурор Казанцев, капает на мозги генералу. Демьяненко, мэр-то, говорят, в хороших отношениях был с Казанцевым. В свое время вместе на природу, на шашлычки выезжали. Да, как говорится, с чем боролись — на то и напоролись. Давно ли на всех углах талдычили: телефонное право, телефонное право. И что? Пришла новая власть, наступили иные времена, а телефонное право как процветало в советские времена, так и буйно цвет и сегодня. Но сейчас еще подлее и наглее, чем тогда, — это как пить дать. В том же Нижнем Тагиле, ну, кто раньше мог вмешаться в ход следствия или доследственных действий? Ну, первый секретарь горкома КПСС, конечно, — раз. Ну, четыре секретаря райкомов КПСС — это два. И все! А сейчас? — Фомин стал загибать пальцы. — Городской голова, главы администраций четырех районов, депутаты законодательного собрания во главе со своим председателем, сотня, другая «денежных мешков». И все хотят рулить, все хотят влиять: кто с помощью рычагов власти, кто посредством денег. Вот тебе и независимость! Вот тебе и свобода! — Фомин остановился. — А, кстати, сегодня пленарное заседание городской думы. Схожу-ка я туда, посижу в уголке, послушаю, о чем калякают, присмотрюсь к кой-кому. Там есть прелюбопытные

экземпляры, колоритнейшие личности.

4

Илья Дмитриевич Соболев, председатель городской думы, уже встал и вышел из-за стола, чтобы отправиться в зал заседаний, когда в кабинет вошел, ну, очень крепко сбитый мужчина.

– Извините, гражданин, если вы ко мне, то мне некогда, спешу, знаете ли, на заседание.

– Я – не гражданин, господин председатель, – заметил вошедший, и в уголках губ появилась еле приметная ухмылка.

– То есть? Если не гражданин, то кто же?

– Подполковник Фомин, господин председатель.

– Кто-кто? – переспросил Соболев, внимательно разглядывая вошедшего богатыря.

– Подполковник Фомин, – ровным голосом повторил тот. – Разрешите присесть?

– Но я спешу, знаете ли...

– Только одну минуту отниму.

– Ну, хорошо, – председатель думы, недовольно поморщившись, вернулся на свое место. – Могли бы и позвонить прежде, чем...

– Виноват, господин председатель. Но до вас чрезвычайно трудно дозвониться.

– Так-таки и трудно?

– То частые гудки, то никто трубку не снимает.

– Слушаю вас.

– Не знаю, в курсе ли вы, что я возглавляю оперативную группу уголовного розыска Главного управления внутренних дел...

– Что-то такое краем уха слышал. Но чем занимаетесь – не знаю.

– Мы занимаемся, господин председатель, фактом странного исчезновения с горизонта Курдюкова, одного из лидеров местного преступного мира.

– Ну, это не новость. Этим, как вы изволили выразиться, фактом полиция занимается два года и пока безуспешно. И что вас ко мне-то привело? Вряд ли я вам могу быть полезен. Я с этим лидером никогда не встречался. Не знал, не знаю и впредь знать не хочу.

В уголках губ подполковника опять появилась ухмылка.

– А вы, Илья Дмитриевич, сказали неправду.

– Неправду? – подняв на него глаза, спросил хозяин кабинета.

– По меньшей мере, однажды вы все-таки с ним встречались.

– Вы шутите?

– Нисколько, Илья Дмитриевич.

– Не понимаю...

– Понимать тут нечего. Три года назад, вспомните, город проводил олимпиаду по тяжелой атлетике...

– И что из того?

– А то, что одним из основных меценатов, или как нынче выражаются, спонсоров, был не кто иной, как сам Курдюков.

– Может, и был он спонсором. Что из того?

– Ничего. Разве что за одним небольшим исключением.

На открытии олимпиады вы с Курдюковым стояли бок о бок, и, как всем показалось, очень дружески с ним все время общались. Припоминаете?

Соболев отвел взгляд.

– Вы прекрасно информированы.

– Служба, Илья Дмитриевич, служба такая. Обязывает.

– Что же вы хотите от меня?

– Самую малость.

– То есть?

– Позвольте мне поприсутствовать на заседании думы, посидеть где-нибудь в уголочке.

– А зачем это вам? Будут дебаты, а тема их явно не по вашему профилю.

Фомин еще настойчивее повторил:

– Все-таки позвольте.

– Собственно, ничего секретного не предвидится. Сидите, если вам так хочется и если у вас так много свободного времени.

– И хочется и время есть.

– Не понимаю: зачем? Ничего интригующего не предвидится, – и, сооротив на лице подобие улыбки, добавил. –

Во всяком случае, искомого вами человека там, в зале не окажется – это точно.

Шпильку, запущенную в его огород, Фомин уловил, но оставил без внимания. И только сказал:

– Я знаю.

Фомин встал и направился к выходу.

– Ломаю голову, как вас представить...

– Никак, – обернувшись, заметил Фомин. – Сделайте вид, что в зале никого из посторонних нет.

– Я-то любой вид могу сделать, но депутаты...

– Если обратят внимание, то скажете: Фомин из Екатеринбурга, здесь по долгу службы. Скромно и со вкусом.

– А настаивать будут, спрашивать, кого вы собой представляете? Тогда что?

– На самый уж крайний случай скажете, что представляю главное управление внутренних дел Свердловской области. Надеюсь, это-то их удовлетворит?

5

Она, ласкаясь, встретила мужа у самого порога.

– Что-то ты, милый, сегодня раненько, – проворковала Тамара Васильевна, прижимаясь к мужу и преданно заглядывая ему в глаза. – На работе нормально? А? Сегодня без проблем? Как настроение? Может, потрехаемся, а? – жена потянулась, и сквозь широкий вырез халата показались розо-

ватые соски грудей. – Что-то очень уж хочется – прямо не могу.

– Сдурела? Мужика надо сначала накормить-напоить, спать уложить, а уж после и об остальном заговаривать. Мужик голоден, как волк зимней порой, а у нее одно на уме.

– Не сердись, дорогой мой. Это я так... На всякий случай, – жена направилась в сторону кухни. – Пойдем. Не знала, что так рано приедешь. А то бы разогрела.

– А сама-то, гляжу, разогрета.

Колобов отправился в туалетную комнату, чтобы холодной водой освежить лицо и, заодно, руки помыть. Жена пошла на кухню и там загремела столовыми приборами.

Минут через пять Колобов уже сидел за столом и перед ним стояла большая с позолотой тарелка, на которой лежали две больших котлеты, граммов по двести каждая – не меньше, картофель фри с малосольными хрустящими на зубах огурчиками, квашеной капустой и зеленым горошком.

Муж приступил к трапезе. Жена села напротив, положив на стол чуть-чуть припухлые ладони, не спуская с него нежного и полного страсти взгляда.

Неожиданно муж перестал есть, положив вилку с уже нарезанным куском котлеты, потянул носом, принюхиваясь.

– Что-что, милый? – насторожившись, спросила жена.

– Аромат слишком густой. Можно даже сказать, тяжелый.

– Но это твои духи, любимые.

– Да, но... Похоже, весь флакон сразу вылила на себя...

Он, не закончив фразы, с прежним аппетитом принялся за еду. Что-что, а готовить его жена умеет. Ее фирменное блюдо, как она называет, – котлета по-киевски. Почему «по-киевски», а, скажем, не «по-свердловски», и что она туда, в фарш кладет, так и останется для него загадкой. Да и картофель на гарнир готовит по только ей одной известному рецепту. Короче, пальчики оближешь! Особенно сегодня, так кажется мужу, она постаралась. И он оценил по достоинству.

Колобов отодвинул в сторону совершенно пустую тарелку (он даже подлив зачистил кусочком хлеба и отправил в рот), откинулся с блаженным выражением лица на спинку мягкого стула, обтянутую не бараканом, как обычно, а темно-синим велюром, и внимательно посмотрел на жену.

– Ну, вот! Теперь можно и...

Жена поняла с полуслова.

– Пойдем.

Изучая сияющее счастьем лицо, Колобов заметил:

– Что-то ты, моя птичка, сегодня без умолку щебечешь.

– Ну, вот, – жена притворно надула пылающие сладострастием розоватые, слегка припухлые губки, – опять не слава Богу.

– Да, нет, – муж поспешил успокоить жену, – я что... я ничего... Наоборот, даже счастлив, что у тебя сегодня такое замечательное настроение. Чувствую, что мы с тобой сейчас покувыркаемся на славу.

– Это я тебе обещаю.

Колобов положил в налитый кофе сахар, сливки и стал медленно размешивать, наслаждаясь распространяющимся ароматом.

– Да, – он вспомнил что-то, – ты напрасно так долго держала машину. Пришлось ехать по делам на другой машине, сам сидя за рулем. Что так? Я же предупреждал водилу, чтобы слишком не задерживался. Обматерил, понятно, парня.

– Он, милый, совсем не виноват. Это – я. Это – меня, когда попадаю в магазин, никакими силами не оттащить от тряпок. Сам ведь знаешь.

– Это точно. Купила что-нибудь?

– Нет, – жена тяжело вздохнула.

– Почему?

– Присмотрела я шубку из шиншиллы. Продавец, элегантный молодой человек, восхитившись, заметил, что она мне очень идет и сидит на мне замечательно.

Муж фыркнул.

– Было бы странным, если бы продавец сказал обратное. Ему что? Ему лишь бы сбыть с рук вещь. Тем более такую дорогую. А, кстати, зачем тебе она? У тебя есть: несколько месяцев назад купили.

– Пожалел, да? Для любимой жены пожалел? Я это предвидела, поэтому и не стала брать.

– И ничего я не пожалел. Бери, если нравится. Не нищие, слава Богу. Не обеднеем.

– Вот, за это спасибо, милый, – жена подошла к мужу,

чмокнув в лоб, шепнула на ухо: – А на Васеньку не сердись, ладно? Моя вина.

– Он уже для тебя Васенька? – ревниво пробурчал Колобов, подозрительно посмотрев на жену.

– Не ревнуй, мой дурачок! Разве я тебя на кого-либо променяю?! Да, ни за какие коврижки! Пойдем, милый, пойдем, – она настойчиво потянула мужа за рукав. – Займемся нашим высшим пилотажем. Ты заслужил этого. Или хочешь прямо здесь, на кухонном столе? Я не возражаю...

Глава 4. Начальство

1

Фомин прямо-таки на входе в управление внутренних дел столкнулся с выходившим полковником Сидорчуком. Посторонился, чтобы пропустить начальство. Нет, не его, конечно, прямое начальство, а все же...

– А! Король сыска! – добродушно улыбаясь, воскликнул Сидорчук. – Ну, привет-привет! – он первым протянул свою пухлую руку Фомину. – Как служба? Дела идут?

Фомин натянуто улыбнулся.

– Именно так: дела идут, контора пишет, бухгалтер деньги выдает.

– Зашел бы... Поговорить... Как-никак, а одно дело делаем. Или не по чину? Я сам должен прийти, а?

– Разве имеется потребность?

– Считаешь, что нет? – все также широко улыбаясь, выказывая тем самым свое полное расположение, вопросом на вопрос ответил Сидорчук.

– К начальству ходят в двух случаях...

– Да? И в каких же, интересно знать?

– Во-первых, по вызову на «ковер», чтобы подчиненному очистить мозги.

– Это – да, – Сидорчук охотно кивнул, – это – понятно,

это – нужная и крайне полезная процедура. А во-вторых?

– Во вторых, когда без начальства и его совета, ну, никак не обойтись.

– Батенька, какое же я тебе «начальство»? Сам посуди. Скорее и вернее, соратник, коллега по общей борьбе с преступностью.

Высокопарность Фомину явно не понравилась, поэтому по лицу пробежала тень неудовольствия. Не по душе пришлось и запанибратство, переход на «ты», хотя к этому не было и нет никаких оснований. Он заметил, что на входе скопилось много сотрудников, которые стояли неподалеку, не решаясь мешать беседе их шефа, самого полковника Сидорчука со столичной, как они меж собой выражались, штучкой. Фомин отступил в сторону, в глубь холла и выказал явное намерение на этом завершить случайное общение с начальником городского управления.

Сидорчук это заметил. И в его голосе засквозила обида.

– Не хочешь? Брезгуешь? Ну, конечно! Куда там! Мы же провинция! Щи лаптем хлебаем.

– Олег Ефремович, какие могут быть между нами обиды? Границы моих задач предельно узки и конкретны. Ваши же задачи многогранны и многолики. Поэтому и не всегда, как я считаю, уместно занимать ваше время пустыми разговорами. Возникнут проблемы – тотчас же буду у вас. А пока...

Полковник примирительно положил руку на плечо Фомина.

– Ну, ладно. Ну, хорошо. Я не настаиваю. И все же не грех как-нибудь вечером посидеть рядком да поговорить ладком, а? Как считаешь?

– Непременно, Олег Ефремович, и посидим, и поговорим как-нибудь... при случае. Разрешите идти?

– Не смею задерживать, подполковник, не смею.

2

Фомин решил для начала заглянуть в дежурную часть. Скорее всего, по годами выработанной привычке, чем с какой-либо определенной целью. Он шел по довольно просторному холлу и нервно теребил полу пиджака. Он был крайне недоволен собой, потому что в тысячу первый раз убедился, что не может владеть собой. Ну, проще простого ведь с любым начальством – непосредственным или косвенным – вести себя должным образом, то есть не демонстрировать настолько явно свое истинное к нему, то есть к начальству, отношение. С людьми, особенно которые над тобой, надо уметь ладить, по крайней мере, уметь скрывать, что ты о нем думаешь. Сколько набил шишек? Сколько раз говорил себе, что начальство не любит, когда кто-то демонстрирует ему собственное превосходство, в особенности – нравственное. Этого они вообще не переносят. Топтали? Да и не раз. И все неймется. Чего такого случилось бы вот сейчас, если бы он с полковником Сидорчуком поговорил, как полага-

ется. Он тебе любезность, ты ему две. Не переломился бы. Гордыня чертова! Вишь ты, какой гусь лапчатый выискался: и высокопарность-то ему не нравится, и запанибратство-то не по нутру, и выбранная тональность-то разговора собеседником раздражает. Стой, слушай да поддакивай. Это начальству, ой, как нравится. Так, нет же! Что на уме, то и на лице, и, главное, на языке. Ты же можешь нормально общаться с людьми? Можешь! Даже с уголовниками. Почему же с начальством-то так несдержан? Не любишь? Не люби, в конце концов, но стоит ли при каждом случае столь явно выражать свою нелюбовь? Галчонок, жена, значит, ведь постоянно талдычит одно и то же: не перечь по пустякам; слушай, кивай в знак согласия, еще лучше, если комплимент бросишь невзначай, а поступай по-своему, делай, как совесть велит, согласно своей гражданской позиции; начальство не тебе одному не нравится, а ведь другие-то умеют молчать; и все они не внакладе. Она, Галчонок, то есть, конечно, права, тысячу раз права. Подумав об этом, Фомин усмехнулся: легко говорить и давать мудрые советы другим. А сама? Кто полтора года назад дернул ее за язык, когда она на педсовете заявила, что в школе полновластно хозяйничают тупость и глупость? Никто. Наверняка ведь эта мысль приходила в голову и другим педагогам. Все молчали, а она, Галчонок, высказалась. Ну, и что? Все хорошие, все уживчивые, а она, только она нет. Директор, по ее же словам, принял ею сказанное на свой счет и теперь житья не дает, по поводу и без того приди-

рается к ней. Подпевалы тут, как тут: ты, говорят, Галина Александровна, в школе самая умная и разумная. Ясно, подкалывают, хотят, чтобы она сорвалась.

– Эх, – произнес он вслух, подходя к дежурной части, – правду говорят: лишь у дурака что на уме, то и на языке.

Спохватившись, заозирался, но, к счастью, вокруг никого не было. А, услышав, стали бы по углам чесать языки: вот, мол, столичная-то штука до того заработался, что ходит по коридорам и разговаривает сам с собой.

Фомин вошел в дежурную часть, где в это время было довольно-таки шумно. При его же появлении все разом замолчали, что могло свидетельствовать об одном: предметом столь живого обсуждения была его персона. Отметив про себя, он не подал вида. Наоборот, совершенно непринужденно, с радостью на лице сказал:

– Здравия желаю, господа офицеры! – кто-то поёжился от непривычного в их кругу приветствия и не слишком уверенно ответил, кто-то, уткнув сразу носы в столешницы, вообще промолчал.

Один лишь старший оперативный дежурный управления подполковник Серебряков, с которым Фомин сблизился еще во время прежней сюда командировки, улыбнулся, встал со стула, обменялся с ним рукопожатием.

– Здравствуй, Сергеич. Что-то ты раненько.

Фомин столь же бодро на это ответил:

– Кто рано встает, тому Бог подает.

Он прошел к противоположной стене, заметив там свободный стул, сел.

– И как ночь, Иван Емельянович?

– Как обычно, – ответил Серебряков, просматривая журнал регистрации сообщений, поступивших в управление.

– «Обычно» – это как?

– Это означает, что за ночь не произошло ничего сверхъестественного. В районе Вагонки, допустим, труп, обнаруженный в квартире, с признаками насильственной смерти. По мнению оперов, выезжавших на место, обычная бытовуха. В числе основных подозреваемых жена убитого, которая пока не найдена. По словам соседей, вечером супруги пировали, потом, как это у них часто бывало и раньше, шум, скандал, драка. В квартире обнаружен нож-хлеботорез со следами крови: скорее всего, орудие преступления... Так... Одно, вот, разбойное нападение, пять случаев уличного хулиганства, три квартирных кражи предотвращено вневедомственной охраной, так как жилье было оборудовано охранной сигнализацией; покушавшиеся взяты, так сказать, на месте попытки совершения преступления. Один вызов – ложный: когда наши приехали в район железнодорожного вокзала, точнее – привокзальной площади, то конфликтующие стороны (ранее дважды судимый некий Зубов Евгений Семенович ударил по лицу реализаторшу торговой палатки некую Кайгородову) помирились и друг к другу претензий не имеют. Кайгородова даже заявила, что это она спровоцировала

конфликт, поэтому заявление писать отказалась. Хулиганство из разряда мелких, поэтому ход делу не дан. Протокол все-таки наши люди составили. Для порядка.

– Да, ночь и на самом деле оказалась спокойной, – подтвердил и Фомин, однако приличный физиономист мог бы тут заметить появившуюся на лице подполковника некую растерянность и тревогу.

Все по-прежнему молчали. Пытаясь хоть как-то разрядить обстановку, Фомин сказал:

– А я прямо на входе в холл столкнулся с вашим шефом.

Серебряков пояснил:

– В мэрию поехал. Демьяненко зачем-то вызвал.

– Так рано?

– А Иван Митрофанович у нас шубутной: сам рано встает и другим спать не дает.

– А я слышал, что в мэрии всеми делами заправляет его первый заместитель Сарваров.

– Кто их там знает, – неопределенно ответил Серебряков и вновь уткнулся в какую-то лежавшую перед ним бумагу, прозрачно намекая, что эта тема для него является запретной.

Фомин спросил:

– Никто Самарина не видел? – в ответ молчание. – Появится – пусть меня найдет.

Серебряков оторвался от бумаги.

– Будет сделано.

– А как ваши дела, подполковник?

Фомин повернулся в ту сторону, откуда последовал вопрос. Спрашивал майор Кротов, заместитель начальника управления по воспитательной работе.

– Превосходно, Сергей Иванович.

– Напали на след исчезнувшего Курдюкова?

– Нет. А что? Вас это интересует?

– Не то, чтобы очень, однако... У нас опытейшие сыскари занимались, но никаких следов. Теперь, вот, вас направили, подполковник. Наверное, начальство возлагает большие надежды...

– Знаете, майор, об этом лучше всего спросить генерал-лейтенанта Краснова. Как когда-то пел Высоцкий: «Жираф большой – ему видней».

– И каковы же перспективы?

– Самые радушные, майор, – опять же неопределенно ответил Фомин. Он ответил, хотя ему так хотелось послать этого Кротова куда подальше. Не послал. А это уже явный прогресс. Он меняется и меняется в лучшую сторону. Он управляет своими чувствами. Удивительно, но факт. Подействовала давешняя самокритика. Подполковник Фомин и впредь намерен находить общие точки соприкосновения не только с этим майором, но и с самыми оголтелыми чинушами. Он еще докажет всем, что прекрасно может ладить с людьми – и с друзьями, и с недругами.

– У вас появились новые версии?

У Фомина дернулось левое веко: крепись, брат, крепись – атаманом будешь.

– Версии старые, как сам мир, – ответил Фомин и радостно прищелкнул пальцами. Видишь, мерзавец этакий, ведь можешь, можешь вести приличную беседу и не реагировать даже на такие провокационные вопросы. «А отвечаешь как?!» – ликуя, мысленно спрашивал он сам себя. Комар носа не подточит. Сплошное изящество.

– Не могли бы, подполковник, уточнить... Все-таки нам, людям из провинции, крайне интересно и поучительно.

Подкальываешь? Пытаешься раскрутить? Шиш тебе! Фомин – не дурак. Фомин может, когда захочет. Или, когда на него найдет-накатит. Как, например, сейчас.

– Ваш, майор, к скромной моей миссии интерес настораживает. И тем не менее, уважая собеседника, отвечу. ВЕРСИЯ НОМЕР ОДИН: после освобождения из-под стражи Курдюков мотанул за рубеж и залег там на дно... Майор, вы, надеюсь, меня понимаете и знаете, что значит «залечь на дно»? – Кротов не уловил сарказма и поэтому кивнул, давая знать собеседнику, что он разбирается в профессиональных терминах. – Так вот... Лежит он, миленький, например, в Турции или Греции. Солнечные ванны принимает, а я, ваш покорный слуга, здесь холодную уральскую землю носом понапрасну рою.

– Логично.

– Что «логично», майор? Логично то, что «Курдюк»

нежится на песках Анталии? Или логично то, что я носом холодную уральскую землю понапрасну рою?

– Логично пока все, подполковник.

– Благодарю... А вот и ВЕРСИЯ НОМЕР ДВА: Курдюкова после выхода на свободу убрали свои. Как они любят выражаться, «замочили» и – концы в воду.

– В воду?! – переспросил Кротов. – Фигурально говоря или буквально?

– Как хотите, так и понимайте, майор, – боковым зрением Фомин заметил, что Серебряков едва сдерживается, чтобы не расхохотаться. Судя по всему, он единственный из всех присутствующих понял, что один собеседник попросту измывается над другим, но тот, другой об этом и не подозревает.

– Ну, это вряд ли...

– А почему нет? В истории криминалистики... Вы, майор, с ней знакомы?

– В общих чертах.

– Жаль. Если бы не «в общих чертах», как вы изволили выразиться, а поглубже знали сию науку, то без труда обнаружили бы там, к примеру, такой сюжетец. Мафия решила зачистить свои ряды от лиц, выработавших свой ресурс. Но исполнители столкнулись с проблемой. Нет, не с проблемой, каким способом «мочить». Тут у них нет недостатка ни в средствах, ни в способах. Проблема перед ними встала во весь рост другая, а именно: куда девать трупы? Выход

был найден: они в дубовые бочки помещали труп очередной жертвы, засыпали доверху цементом, закрывали крышкой и опускали на дно глубокого и мало посещаемого лесного озера. В этом случае долгонько же придется ждать, когда всплывет труп. Цемент, как известно, с годами не только не разрушается, в том числе и в воде, а, наоборот, становится все прочнее и прочнее. А нет трупа – нет и самого преступления, не так ли, Сергей Иванович?

– Вы ужасы какие-то рассказываете... У них, там, может быть, но наши люди все делают значительно проще.

– Я бы этого не сказал, Сергей Иванович. Наши люди и на «диком Западе» любому мафиози могут дать сто очков вперед. Прелюбопытная история произошла недавно в Нью-Йорке. Ночной патруль, как обычно, объезжает закрепленный за ним микрорайон. Полицейские обращают внимание, как в окнах первого этажа одного из особняков мечутся тени. Обратите внимание: обычное патрулирование, обычные полицейские, обычное мелькание в окнах теней и всего-то. А реакция? Незамедлительная и самая решительная. Эх, – Фомин потянулся, заложив руки за голову, – нам бы такую работу. Короче так: им это показалось подозрительным. Они врываются в дом, и их глазам предстает такая картина: одни расчлениают других. Причем, живьем, причем, на кусочки. Филейная часть отдельно, потроха отдельно, лодыжки отдельно. Все это аккуратно и плотно укладывают в оцинкованные бочки, пересыпая самой обыкновенной поваренной

солью. Из расчета: на одного человека – два пуда соли. Каждую такую бочку закатывают крышкой. Как мы закатываем консервные банки. Бочки ставят на хранение в подвале дома, где всегда ровная температура, где «консервы» могут простоять много-много лет. Представляете?

– Они там все могут.

Фомин хмыкнул.

– Самое любопытное, Сергей Иванович, то, кто эти «они». И те, которые расчленили, и те, кого расчленили члены одного и того же организованного преступного сообщества, короче – ОПС, причем сплошь состояли из представителей одной национальности – русских. Так что американские полицейские, повидавшие за десятки лет борьбы с преступностью всякого, но с подобным зрелищем столкнулись впервые. Они были в таком шоке, что не меньше года проходили курс психологической реабилитации. Но даже длительное лечение многим не помогло: их пришлось по состоянию здоровья вывести на пенсию.

– Действительно, с ума сойти можно.

– Майор, вы где служите?

– Известно, где: в управлении внутренних дел.

– А мне показалось, что в обществе защиты животных, – кто-то прыснул, подавляя смех, но под ледяным взглядом Кротова, обращенным на него, смолк. – Не у вас ли в Нижнем Тагиле иногда совершается такое, что в самом страшном сне не может присниться американскому полицейскому.

Это они там слабонервные. Мы же ко всему привыкли, нас вряд ли чем-то можно удивить, – Фомин встал и направился к выходу. – Ну, я пойду, господа офицеры. А то слишком разболтался. Но я не виноват. Это все майор Кротов. Если что не так, то все претензии к нему.

Фомин вышел, аккуратно, не хлопая, как иные прочие, прикрыл за собой дверь. Он шел к себе (его комнатуха находилась в другом крыле здания). Он шел по коридору, а в голове вертелись разные мысли. «Ну, как? – спросил он сам себя и сам себе же ответил, удовлетворенно хмыкнув. – Кажется, прилично... Как и подобает интеллигентному человеку. Одних позабавил, других озадачил – и, главное, всем хорошо: нет обиженных. Впрочем, – он с сомнением почесал в затылке, – в завершающей стадии, мерзавец, все-таки не удержался и унизил Кротова. Неосознанно, конечно, неумышленно, однако от этого нанесенная обида человеку не становится слаще. Думать надо, прежде чем говорить. А на что еще-то мозги? Зачем, спрашивается, упомянул общество защиты животных, а? Ну, зачем?! Как ни крути, а оскорбление. Во-первых, его как личность, не приспособленную к реалиям, которые его окружают на работе. Во-вторых, унизил его место службы, уподобив управление самостоятельному благотворительному обществу. В третьих, если Кротов совсем тупой, а это, кажется, именно так, то он может воспринять мои слова и как намек на то, что в его управлении служат люди, похожие на животных... Нет, все-таки не устоял и под-

гадил, бросил-таки в бочку меда ложечку дёгтя. Да, я его положительно не переносу. Почему? Что он такого мне сделал? Ровным же счетом ничего. Да, я его отчего-то не люблю, но это же не факт, оправдывающий оскорбление. Да, он из разряда пиявок, присосавшихся к полиции и пьющих кровь его коллег из оперативных служб. Много таких пиявок вокруг, даже слишком много. Что они делают? Чем занимаются? Какая от них польза?.. Тоже мне, – он состроил на лице гримасу, – во-спи-та-те-ли! Не детский сад, чтобы вполне взрослым и уже устоявшимся личностям напоминать, что материться на службе – это нехорошо; что харкать и сморкаться в коридорах и на лестничных площадках – это неприлично, для этого есть туалетные комнаты или, на самый крайний случай, носовые платки; что мздоимство – это, по меньшей мере, аморально, а, по большому счету, преступно. Хе! Таких не воспитывать надо, а гнать поганой метлой. Лучше бы зачислили в штат пару, другую психотерапевтов, а еще лучше православного батюшку, скованного обетом молчания, с которым бы можно было поделиться самым сокровенным. Ну, если не батюшку, то хотя бы открыли комнату, в которой висели бы лики святых, горели свечи и была бы тишина, где бы человек мог хоть на несколько минут уединиться, забыться, отрешиться от мирского, глядя на Христа, вспомнить о душе, заглянуть внутрь ее, поразмыслить о сделанном, отрешиться от дурных помыслов. И никакой тебе болтологии. Это не только нравственно по-

лезно, но и с экономической точки зрения выгодно... Кста-ти, – Фомин замедлил шаг, остановился, – чего это Кротов слишком назойлив был, настойчиво интересуясь моими делами? Зачем? По природной наивности или хитроумности? Не нравится мне подобный интерес. Неспроста. Возможна, правда, и случайность. Ну, глуп человек: знает же, что ему правду не скажут, а все равно спрашивает. Бывает. Однако за всякой случайностью может скрываться и закономерность... Или я уж слишком мнителен, подозревать готов всех и каждого? Хе! – Фомин ухмыльнулся. – А что говорит бригаденфюрер Мюллер в книге „Семнадцать мгновений весны“? Доверять, говорит он, никому нельзя... А мне? Мне можно!.. Не люблю я этого Кротова и все! Хоть режь. А кого, милостивый государь, ты вообще любишь? Ну... Галчонка, в первую очередь. Потом сынулю, само собой... Да... Еще? Павлушку, паршивца этакого: он больше, чем друг. Так... Еще? Алёшку Курбатова, несомненно, хотя он и не догадывается. Почему его? Ну, этому есть объяснение. Алёшка – моя копия... Похож, очень похож! Нет, только не внешне: я вон, какой медведь уродился, а он тонок, звонок и прозрачен. К тому же он умен не по годам, чего обо мне не скажешь. Из парнишки искренность так и прет, так и прет. Люблю еще сопливого недавнего юнца, а ныне уже капитана милиции за то, что он, как и я, абсолютно убежден: в органах и честному человеку найдется своя ниша, и ни что, даже ближайшее окружение, не блещущее чистотой нравов, ему не поме-

шает остаться тем, кто он есть. Стержень есть у него, прочный, несмотря на внешнюю хлипкость, негибачаемый стержень. Въедливый, собака, настырный до ужаса: вцепится – ни за что не отпустит... Как и я... Еще? Президента. Да-да, именно Президента! Нет, не нынешнего, а его предшественника. За что его люблю? За искренность и непосредственность, за человеческие качества, которые не свойственны нашим политикам: за живой взгляд, за которым во всех случаях явно выступали боль и нежность, радость и грусть, жесткость и доброта. Он не умел и не хотел скрывать всего этого, за что всегда платил дорогую цену. Его предавали, даже те, кто ему был обязан всем, а он – никогда! Он любил и ненавидел одинаково неистово. Он уникальным в России манером пришел на вершину власти, а ушел еще более замечательно красиво: добровольно! Многовековая история государства российского на всем своем протяжении ничего подобного не зафиксировала. И что бы там о нем сегодня ни говорили, но для меня он был, есть и уже навсегда останется кумиром. Так, – Фомин, задумавшись, почесал в затылке, – а еще кого? По большому счету, больше никого. М-да... не густо, очень не густо... Да, а что же Кротов? Собственно, ничего. Не по нраву? Ну, и черт с тобой. Люби не люби, как говорится, да почаще взглядывай. Покопаюсь-ка я в его подноготной. Нет, не потому, что не ложится мужик на душу. Покопаюсь на всякий случай. Авось, и что-либо отыщу. А если нет? Ну, на нет и суда нет».

Фомин поднял глаза и увидел, что стоит напротив двери отведенного ему кабинета. Открыв ключом, вошел. Повесил курточку-штормовку, пригладил ладонью все еще густой чуб, где в последнее время начали проглядывать серебряные нити, подошел к столу, взял лежавшую ручку и по старой привычке потянулся к перекидному календарю, чтобы на листочке сделать «зарубку на память». Но в последний момент передумал: никаких записей!

3

Самарин появился в кабинете, когда Фомин заканчивал сочинять какую-то бумагу: то ли запрос, то ли рапорт.

– Здравия желаю, Александр Сергеевич.

Фомин, подняв глаза, усмехнулся.

– Согласись, а, звучит неплохо.

– Что «звучит»? – спросил Самарин, полагая, что тот имеет в виду написанную им фразу.

– А твои слова, – и он со вкусом повторил. – Здравия желаю... Понимаешь? Ты первый сегодня, кто пожелал мне здравия, то есть здоровья. Чуешь?

Капитан Самарин на это ничего не сказал, хотя в душе-то был с ним полностью согласен, а только спросил:

– Вызывали?

– Нет, не вызывал.

– Выходит, парни из дежурки разыграли...

– И не разыграли.

– Вас так сложно иногда бывает понять, Александр Сергеевич. Во всем, что вы говорите, имеется двойной смысл.

– Это плохо или хорошо?

– По-разному.

– Но я же тебя действительно не вызывал.

– Тогда что?

– Просил: если увидят, сказать, чтобы зашел ко мне.

– Какая разница?

– Огромная, старший лейтенант: вызывает – начальство, просит же – коллега.

– А... Ну, если в этом смысле, то... конечно...

– Я хотел с тобой поговорить, так сказать, по душам.

– «По душам»? – встревожено переспросил Самарин. – Что-то случилось? Я напортачил? Стружку, значит, будете снимать?

Фомин недовольно поморщился.

– Опять?

– Извините, Александр Сергеевич.

– И присаживайся. Сколько раз тебе говорить? Вошел – ищи свободный стул и не жди особых приглашений, – Самарин присел. – Тут вот такая штукавина, – начал Фомин и остановился, зачем-то оглядевшись, совершенно некстати спросил. – Ты уже пообедал?

– Нет еще. А что?

– Приглашаю со мной отобедать.

– Куда? – спросил Самарин и застыдился, вспомнив, что на правах тагильчанина он должен был бы предложить. Он попытался исправить бестактность. – Неподалеку кафе «Уральское»...

– Неподалеку, говоришь? Нет, это не годится. Нам бы куда подальше. В конце улицы, мне говорили, есть кафе «Светлячок». И сервисное обслуживание там вполне современное.

– Это правда, но я туда не хожу.

– Почему?

– Для начала – далеко: не меньше двух километров. Ну, а главное препятствие: цены там, Александр Сергеевич, ого-го – закачаешься.

– Кто приглашает, тот и платит.

– Ну... я тоже ведь не...

– Все! – Фомин встал и вышел из-за стола. – Дискуссия окончена.

– Тогда, – Самарин встал и пошел к двери, – я в дежурку, арендуя свободное транспортное средство.

Фомин его остановил.

– Не надо.

– Но ведь минут двадцать ходу.

– Ничего. Пешком пройдемся. И аппетит нагуляем, и, заодно, свободно поговорим... вне этих стен.

Самарин настороженно еще раз обвел взглядом стены кабинета.

– Вы думаете, что могут?..

– Не знаю. Однако береженого и Бог бережет.

Когда они проходили мимо дежурки, в дверях показался подполковник Серебряков.

– Александр Сергеевич, что сказать, если будут спрашивать?

– Решили пообедать... Как все белые люди... В приличном кафе. Будем, максимум, через полтора часа.

Серебряков пошутил:

– Богатенькими стали? Банк взяли?

Фомин отделался также шуткой.

– На этот раз банк не брали. Мы в «Русское лото» выиграли.

– Ну, это одно и то же, из одной сферы – из сферы радужных надежд, – рассмеялся Серебряков и скрылся за дверью.

4

У мэра Нижнего Тагила только что закончилось совещание. Речь шла о проведении субботника по приведению города в божеский вид. Как выразился Демьяненко, за зиму засрали город, а теперь эти засранки необходимо убрать с улиц.

Начальник управления внутренних дел Сидорчук уже вышел из зала, когда его окликнули. Сказали, что его ждет у себя Демьяненко.

– Олег Ефремович, извини, что задержал, – начал мэр, лишь только увидев входящего Сидорчука. – Спешешь?

– Да... Но для вас... Всегда рад...

Демьяненко показал рукой на стоящее возле журнального столика одно из глубоких кресел.

– Присаживайся, – Демьяненко встал со своего обычного места и присел также за журнальный столик, в другое кресло, стоявшее напротив первого.

Сидорчук облегченно вздохнул, так как понял: беседа, судя по всему, будет неформальной и, следовательно, на этот раз выволочки не предвидится.

Мэр продолжил, глядя в глаза полковника.

– Я, знаешь ли, по поводу деятельности на подведомственной мне территории опергруппы УГРО из Екатеринбурга.

Сидорчук уточнил:

– Опергруппа лишь наполовину состоит из варягов. Вторая половина – это наши парни.

Демьяненко пропустил мимо ушей принципиальное, на взгляд Сидорчука, уточнение и продолжил:

– Мне не нравится, что кто-то там уже три месяца что-то «копает», а я все еще не в курсе, в неведении. Может, ты прояснишь, полковник, ситуацию, а? Неловко, знаешь ли. Кое-кто прямо спрашивает: мэр я или не мэр? Я, конечно, понимаю, что за глаза меня называют не иначе, как тряпкой, бесхребетником, безвольным хозяином; что всем за моей спиной фактически заправляет мой первый зам. Пусть даже и есть доля правды, однако ж...

Сидорчук решительно запротестовал. Он осмелился

на столько, что прервал хозяина.

– Не наговаривайте на себя! Ваш первый зам без вас – так, пустое место. Не стану кривить душой: деловая хватка у зама крепкая. Зато у вас, Иван Митрофанович, опыт, знание людей, гигантский авторитет. Скажите: разве зря горожане во второй раз вас избрали главой города, а? Да с вами... Да под вашим-то руководством – чего не работать!

– Не преувеличивай. Я свой потенциал хорошо знаю.

– Я говорю правду: с вами народ! А народ не ошибается. Его не так-то просто охмурить разными посулами или красноречием. Народ чутьем понимает, где свой человек, а который чужак. В подведомственном мне управлении поголовно ваши сторонники.

– А, кстати, Олег Ефремович, руководит операми не тот ли самый, что с год назад, а, может, и побольше, у нас уже работал? Кажется, с прокурором Алексеевым.

– Он самый... Подполковник Фомин. Только тогда над ним был начальник, а теперь...

– Говорили: по его милости у моего первого зама какие-то проблемы были.

– Так точно, – коротко ответил Сидорчук, явно не стремясь вдаваться в подробности, поскольку и у этих стен могут быть «уши».

– Говорят: хорошая он сволочь. Это правда?

– Иван Митрофанович, это уж слишком...

– Считаешь, нет? Ты другого мнения?

– Ну... Может, он и не совсем сволочь...

– Как это «не совсем»?

– Я совершенно с вами согласен, Иван Митрофанович: с ним каши не сварить. Зануда, каких мало, буквоед. Весь из себя такой правильный, такой правильный, что тошнит. Короче, себе на уме. И все молчком, молчком. Или шуточками отделяется. С ним тяжело. Я закинул было «удочку» в сторону генерала: нельзя ли, говорю, как-нибудь Фомина передвинуть, заменить на другого сыскаря; их немало в главном управлении. Краснов и слушать не стал: с подобными предложениями, говорит, ко мне – ни ногой. Так что с генералом не поспоришь. Решение генерала не обсуждается, а исполняется. К тому же, – Сидорчук понизил голос, – по имеющейся у меня информации, Фомин на дружеской ноге с генералом...

– Красновым?! – от неожиданности воскликнул мэр

– К счастью, не с Красновым, а с генералом Чайковским. Да, не начальник главного управления, а всего лишь один из его замов, но, скрывать не стану: шишка тоже большая.

Демьяненко спросил:

– Как я понял, и ты тоже не в курсе его дел?

– Кого? Генерала Чайковского?

– Нет же, нет, – мэр явно стал нервничать, правда, причину такого его поведения Сидорчук никак не мог понять. – Я про этого... подполковника.

– А... Практически, да.

– Ну, ты даешь! Начальник управления – и не знает, чем занимаются, хотя бы, его подчиненные.

– Во-первых, Иван Митрофанович, тут я ничего поделывать не могу: буквально вчера звонил генерал Краснов и потребовал оставить в покое подполковника. Выше головы, как ни старайся, не прыгнешь. Да и время сейчас не то. При демократии не много разбежишься. Она, эта демократия, как путы на моих ногах. Во-вторых, у нас есть неписаное правило: молчит сыскарь, значит, так и надо; значит, есть нечто, о чем он не может говорить даже своему непосредственному начальнику; настанет пора – сам доложит.

– Ну, тогда, извини, брат. Откуда мне знать про ваши вот такие странные порядки?

– Я могу идти?

– Иди-иди, голубчик. Но... Если что, то, будь уж настолько великодушен, поставь меня в известность первым. И так с этим Курдюковым прогремели на всю Россию. Скотина, – Демьяненко зло сплюнул на пол, – прикинулся овечкой тут. Мы с ним как с путным: якшались, за ручку здоровались, похваливали, когда он спонсировал городские мероприятия. Кто мог знать, что под овечьей шкурой скрывается волк?

Сидорчук вновь рискнул возразить мэру.

– Суда еще не было. Может, наговоры, может, конкуренты сводят счета, может, он и не таким плохим был, как это хотят представить.

– Был? Почему был? Ты считаешь, что его уже нет в жи-

вых?

– А черт его знает.

– Он большими капиталами ворочал? Как считаешь?

– Скорее всего, так. Откуда бы он взял деньги на такой большой залог, зная, что его изначально потеряет?

– Почему?

– Скрывшись от следствия, вся сумма внесенного залога обращается в доход государства. Плакали, как говорится, денежки. Хотя... Деньги не такие уж и большие... Судья, определившая размер залога, явно поскромничала.

– Слушай, а что ты думаешь насчет претензий по адресу судьи?..

– А конкретно?

– Журналисты намекают, что имела место быть взятка, что освобождать Курдюкова под залог никак не следовало.

– Чисто теоретически, не исключается и такая возможность, Иван Митрофанович, но, как у нас говорят, не пойман – не вор. А сплетничать... Так на это нынешние писаки горазды.

5

Они неспешно шли по улице. Дул сильный, но теплый ветер прямо в лицо, поднимая в воздух пыль, пустые полиэтиленовые пакеты, которые, будто кем-то специально запущенные воздушные змеи, то взмывали высоко-высоко, то

медленно, выписывая на фоне безоблачного неба замысловатые зигзаги, приближались к земле. Почки на придорожных тополях взбугрились, значит, набухли и вот-вот могут появиться первые нежно-зеленые листочки. Сквозь городской шум с трудом пробивалось веселое пощелкивание скворца. Он радостно извещал миру, что в его семье все в порядке, что его сытая и всем довольная подруга в гнезде, что еще чуть-чуть и будет в семье пополнение, и наполнится скворечник неустанным писком прожорливого и ненасытного потомства.

Капитан Самарин искоса поглядывал на рядом размеренно шагнувшего подполковника. Тот молчал, хотя прошли они уже метров двести.

Самарин решил напомнить:

– Вы хотели о чем-то поговорить...

– Я... в некотором смущении. Иду, вот, и все думаю: стоит или нет затевать этот разговор.

– Что вас останавливает, Александр Сергеевич? Не доверяете? Мне?!

– Ты только не обижайся... Ты же сам сыщик... И прекрасно понимаешь, что главное наше с тобой качество – это умение держать язык за зубами. Ведь так? – Самарин в знак согласия кивнул. – Мы – не прокуроры, которым по долгу службы полагается быть говорливыми, хотя именно они и зачастую проигрывают в краснобайстве адвокатам.

– Согласен. С месяц назад был на одном судебном про-

цессе, в качестве свидетеля по делу привлекли. Да, я вам об этом докладывал, помните? – Фомин кивнул, провожая взглядом, как он метко выразился однажды, гроб с музыкой, то есть местный трамвай. – Сторона, поддерживающая обвинение, говорила длинно, путано, неубедительно, непонятно даже судьям.

Фомин, дождавшись паузы, продолжил излагать свою мысль, сидящую в голове, будто заноза:

– Тем более это важно сейчас, когда люди за информацию платят огромные деньги... Такие деньги, что нам с тобой и за год не заработать. Так что...

– Я это понимаю. Однако не всё, к счастью, покупается, – Самарин многозначительно посмотрел в глаза Фомина, добавив, – и не каждый продается.

То ли последние слова коллеги убедили, то ли у него просто не было иного выхода, но Фомин сказал:

– В общем, исключительно между нами...

– Могли бы и не напоминать.

Самарин обиженно отвернулся. Но Фомин сделал вид, что этого не заметил.

– Скажи-ка, ты хорошо знаешь Кротова?

– Кого-кого? Кротова?!

Фомин, повернув голову в сторону собеседника, внимательно посмотрел в лицо.

– А что ты так удивился? Как будто, невесть о ком спросил.

– Он же заместитель начальника отдела по воспитательной работе... майор...

– И что из того? Генерал-полковник Чурбанов... Слышал о нем?

– Да. Он был в нашем городе. Тогда я только-только поступил в нашу школу милиции. Такой у нас шмон наводили – просто ужас какой-то. Говорили, что Чурбанов может посетить школу.

– Был?

– Нет. Он в Тагиле-то пробыл тогда всего несколько часов... Байки разные ходят до сих пор. Вот одна из них: приезжал, говорят, за тем, чтобы место для сидения себе подобрать – покомфортнее.

Фомин напомнил:

– Ты не ответил на вопрос.

– Если по правде, то его мало кто в управлении хорошо знает.

– Почему?

– Закрытый уж очень: о себе – ни единого слова.

Фомин рассмеялся.

– Но я не меньше его скрытничаю.

– Вы – не то... Вы – другое дело...

– Как тебя понимать?

– Кротов – особенно ни с кем не общается. Не контактный, то есть. Наверное, дорожит своей репутацией, мечтая о карьере.

– Но и у него должны быть люди, с которыми он близок.

– Вряд ли кто-нибудь из управления. А, скажите, почему вы им заинтересовались?

– Спроси что-нибудь полегче.

– Как это?

– Если бы знал, то и действовал, наверное, иначе.

– Да, не хотите говорить, – Самарин с сомнением покачал головой.

– Честное слово, Алексей, не знаю. Заинтересовал – и все. Интуиция, знаешь ли.

– Вы?! Верите в интуицию?

– Да. Хотя и стыдно признаваться в подобном анахронизме в начале третьего тысячелетия... Я верю в интуицию, точнее – хочу верить. Тем более, что она пока меня еще ни разу не подвела. Не знаю, как будет сейчас. Надо быть круглым идиотом, чтобы абсолютно верить даже в то, что ты доказал не раз на практике. Ученые, конечно, говорили: практика – критерий истины. Но тем не менее... Поэтому я осторожничаю. Не прощу себе, если, поверив интуиции, оскорблю своим подозрением абсолютно честного человека.

– Александр Сергеевич, а почему бы не обратиться в службу собственной безопасности? Попросили бы пощупать. Ну, чтобы развеять сомнения, если уж они появились.

– Я не верю, что их «прощупывание» останется тайной за семью печатями.

– Тогда – к прокурору и ФСБ: первый – выдаст соответ-

ствующую санкцию, а вторые – присмотрятся, прислушаются.

Фомин отрицательно замотал головой.

– Эх, Алексей, Алексей... Ни за что!

– Почему?

– Туда ходят не с пустыми руками. Засмеют же, если приду и стану им рассказывать про интуицию, поскольку, кроме нее, у меня ничего и нет.

– И как же быть?

– Мы сыщики с тобой или нет?

– Кто-то в этом сомневается?

– Надо, Алексей, добыть хорошую зацепку. Лучше – две. И повесомее, поострее, чтобы с крючка трудно было сорваться. Тогда – нам поверят, и, может, разрешат оперативную слежку.

– Заколдованный круг получается, а? Слежку вести нельзя, поскольку нет санкции прокурора. А санкцию эту не дадут, поскольку нет весомых оснований. Должен же быть какой-то выход!

– Выход есть, но безумно рискованный. И ты об этом должен знать, как говорится, еще на берегу. Чтобы вовремя мог остановиться и отказаться от подобной затеи. Впрочем, нет! Тебе лучше не вступать в это дело. Придется мне самому повнимательнее приглядеться к Кротову. Авось, и повезет, если неким высшим силам будет угодно, – послышался его глубокий вздох. – Да, жаль, что ты ничего о нем не знаешь.

Самарин согласился.

– Разумеется, жаль, но не все еще потеряно. Задача ясна: попробую через своих знакомых кое-что разузнать о нем. Я – местный, мне все равно легче, чем вам.

– Да? Если я тебя правильно понял, ты хочешь добровольно помочь?

– Вы правильно меня поняли, Александр Сергеевич: вдвоем рисковать гораздо легче.

– Только будь предельно осторожен. Заметит Кротов твой интерес к его персоне, разразится большущий скандал. И, естественно, накостыляют. Впрочем, и это не самое главное: провалим доброе дело – вот беда так беда. Представляю, что будут говорить. Науськал, скажут, я тебя, воспользовался твоей доверчивостью.

– Я ребенок, да? Не волнуйтесь: все будет тип-топ.

– «Тип-топ» – это как? – усмехнувшись, спросил Фомин.

– А так, – совершенно серьезно ответил Самарин. – Все буде путём. Я ведь тоже не на первый снег писаю.

– Ну, если так, то будем считать, что мы договорились.

– Будем, – и тут Самарин остановился, стал топтаться на одном месте. Явно же: человек что-то вспомнил. – Погодите-ка, господин подполковник, погодите... Я, кажется, могу оказаться не совсем уж бесполезным человеком. Причем, прямо сейчас.

– Да?

– Нет-нет, я совершенно серьезно.

– Да? – все также недоверчиво спросил Фомин, с любопытством глядя на Самарина.

– Как же я мог-то, а!? Еще сыщиком называюсь. Про такое забыть!

– Ты что-то вспомнил, да? Существенное, да? – Фомин, спрашивая, тряс его за плечи. – Говори же, говори, парень!

– Есть зацепка, есть!

– Ты о чем?

– Нет, ну как я мог про такое забыть, голова садовая?

Самарин продолжал корить себя, не замечая, насколько напряжен сейчас Фомин, которому опять же его хваленая интуиция подсказала, что у его коллеги что-то крайне серьезное. Он, пылая нетерпением, хотел об этом слушать.

– Господин подполковник, – понимая важность момента, Самарин перешел на официальный тон, – несколько месяцев назад (по-моему, это было в конце прошлого года) сидели мы в дежурке, ласы точили... так... обо всем. Ну, и зашел разговор о Кротове. Не помню, кто, но отчетливо помню, что разговор зашел о его приобретении. Говорили, что майор обзавелся машиной, «Тойотой». Будто бы, подержанной. Будто бы, недорогой. Сам я его на этой машине не видел, но раз люди говорят, то стоит проверить. Проверить на том основании, что, во-первых, в самом ли деле подержанная? Пусть окажется и б/у, пусть! Ведь и на подержанную нужны такие бабки, которых даже у заместителя начальника управления, даже у майора не может быть. Нет, не по зубам ему такая

покупка... Да, я помню, как он же, Кротов, плакался, что не может себе позволить купить новую машину. Десять лет, мол, ездит на «копейке» – на латаной-перелатаной. И ее-то он приобрел с рук. А тут... иномарка.

– В твоих логических рассуждениях, если они подтвердятся, есть смысл. Хотя, знаешь ли, может все оказаться и пустышкой.

– Почему?

– Ну, например, может оказаться, что жена нынче стала хорошо зарабатывать.

– Чепуха!

– Ты так считаешь?

– Да! Она у него врач районной поликлиники. А у врачей, для начала, также мизерная зарплата, да и ее-то выдают с большими задержками.

– Смотря какой врач, – осторожно заметил Фомин, стараясь, чтобы тот самостоятельно продолжал свои умопостроения. – Допустим, она зубопротезист, а они имеют – дай, Бог, каждому.

– Но его жена не зубопротезист.

– Откуда тебе знать? Ты же давно ли говорил, что не полагаешься о Кротове никакой информацией.

– Она не зубопротезист, – упрямо повторил Самарин. – Я точно знаю! Она участковый врач-терапевт.

Фомин повеселел, так как его интуиция опять не подвела: парень-то кое-что знает.

– Ну, это уже другой, как говорится, коленкор, – Фомин, хлопнув Алексея по плечу, шутливо заметил. – Да ты, оказывается, кладезь информации, ходячая, можно сказать, энциклопедия. А говорил...

Самарин скромно опустил глаза:

– Разве это информация... Пустяки.

– Не скажи, парень. Безусловно, это пока еще не совсем зацепка, но уже кое-что – факт, но требующий доказательств. Если доходы семьи Кротовых существенно меньше, чем расходы, то это нам на руку: аргумент, хоть как-то оправдывающий наше за ним наблюдение. Все легче.

Они остановились напротив входа в кафе «Светлячок», вошли. Минут через двадцать вновь показались на улице.

– Кто займется установлением истины?

Спрашивая, Самарин очень надеялся, что Фомин это деликатное занятие поручит не кому-нибудь, например, кому-то из приехавших с ним, а ему, лично. И не ошибся.

– Ты! А-то кто же еще-то, а? Ну, разумеется, если не передумал мне помогать.

– Слушаюсь, господин подполковник! Разрешите идти?

– Иди-иди, если тебе так уж не терпится. Хотя мог бы погодить и до завтра.

– Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

– Но, повторяю, будь предельно осторожен. Нам никак нельзя «засветиться» раньше срока.

– За меня не беспокойтесь, Александр Сергеевич.

– Почему, позволь узнать, я не должен беспокоиться?

– Потому что все сделаю «тип-топ».

Фомин усмехнулся.

– Что означает: путём?

– Так точно!

Фомин направился прямо, в сторону управления, а Самарин повернул направо и вскоре скрылся за углом соседней пятиэтажки. Он подумал: «Не ошибся в парне-то, когда включил в свою группу. Он и в прошлый раз хорошо поработал. И сейчас, вроде, тоже ничего. Сыщик будет со временем, что надо. Ну, и славно! Ну, и пусть! Должны же мы оставить после себя и достойную смену, а не только всякую малограмотную и тупую, но жутко хаповитую, мразь».

6

Шилов, входя в свой кабинет, спиной почувствовал, что кто-то неслышно за ним идет. Он обернулся.

– А, это ты. Входи.

Он сразу направился в сторону холодильника, открыл его дверцу.

– Что будешь пить? Нарзан? Молоко? Или кое-что посущественнее?

– С вашего позволения, Евгений Дмитриевич, рюмку хорошего коньяка.

Шилов, не скрывая сарказма, спросил:

– «Камю» сойдет? Или, ваша милость, подобное, вишь ты, не принимает?

– С удовольствием, – невозмутимо ответил тот, хотя обратил внимание на сарказм хозяина кабинета, но предпочел никак не реагировать, как, впрочем, и всегда. – И шоколад на закуску.

– Какой?

– Лучше – швейцарский, если, конечно, таковой, господин депутат, у вас в наличии имеется.

– Обижаешь, вишь ты! У меня, ты знай, есть все! Как в Греции...

Они уселись за приставной столик, напротив друг друга. Шилов разложил шоколад, поставил две рюмки. Заметив вопрошающий взгляд, сказал. – Я тоже, пожалуй, отдам предпочтение коньяку. Бывает... Душа просит чего-то эдакого.

Они выпили, не чокаясь и не произнося тостов. Шилов вновь наполнил рюмки. Молодой гость неожиданно запротестовал.

– Я – пас. Я сегодня дежурю по номеру.

– Это так серьезно?

– Да, уж... – многозначительно ответил тот.

– В чем же эта «серьёзность»?

– В ловле «блох».

– Ты, что, издеваешься?!

– Ничуть, Евгений Дмитриевич. Я говорю совершенно серьезно.

– Объясни, что еще за блохи у вас завелись?

– Они не завелись, а были, есть и будут всегда.

– Ты кончай мне голову морочить! У вас, что, всегда такая антисанитария?

– Наши «блохи» не имеют никакого отношения к антисанитарии.

– Они, что, у вас импортные, заморские и разводятся, вишь ты, от избытка чистоты?

– Как бы это... ну, попроще бы вам объяснить.

– Сделай одолжение.

– Сначала делается макет очередного номера газеты...

– Ну, что такое макет – я знаю. Это, как бы, подобие газетных полос, да?

– Почти что так, Евгений Дмитриевич. Вы делаете успехи.

– Не дурнее тебя-то, вишь ты.

– Так вот: идет потом размещение, согласно макету, на полосах материалов, уже «набитых» в компьютере. Когда все материалы будут размещены там, где им положено быть, тогда рисуются отбивочные линейки, шмуцы...

Шилов хохотнул, услышав последнее слово.

– Это я тоже знаю. Шмуцы – это специально оформленный абзац. Ну, там завитушечка какая-нибудь или другим шрифтом, более крупным нарисована первая буква.

– Вы – вообще!

Шилову понравилась похвала. Он взял, опрокинул рюмку в рот и стал заедать шоколадом.

– Давай дальше, вишь ты. Скоро про блох-то будешь говорить?

– Итак, верстка полос закончена, все расставлено по своим местам. После этого делается первая пробная распечатка полос, и они поступают к корректорам, которые вычитывают, устраняют...

– Это я тоже знаю. Давай дальше.

– После выявленных корректорами ошибок они устраняются. И так дважды. Полосы, вроде, чистые. Однако прежде чем готовить печатные формы в типографии, которые, к сожалению, делаются все еще по старинке, и давать на это «добро», дежурный по номеру получает новую, уже чистую распечатку полос и еще раз, уже в окончательно вычитывает, то есть, как мы выражаемся, ищет «блох»... Ну, там пропущенную в слове букву, а иногда и целое слово: корректора пропустили или оператор за компьютером, внося правку, не туда вставил слово. Бывает даже целое предложение потерянным. Все это и есть то, что мы именуем жаргонным словом «блохи». У вас ведь в думе тоже есть свои жаргонизмы. Например, вы часто употребляете такое слово, как «отсидка». Его я слышал и от других депутатов. На вашем языке означает: отсидеть все заседание думы от начала и до конца. Не так ли?

– Да. А... Ну, понял! «Ловить блох» – это на вашем журналистском языке означает: искать и находить ошибки, пропущенные корректорами. Но почему «блохи»?

– Этого даже я не знаю, Евгений Степанович. Издавна повелось. Наверное, потому стали так говорить, что ошибки скачут с места на место, как самые настоящие блохи. Часто бывает так, что оператор, устраняя одну ошибку, одновременно делает других несколько. Но эти, другие ошибки оказываются совершенно в другом месте. У нас есть и другие забавные словечки.

– Например?

– «Козлы»...

– Ну, этого словечка, вишь ты, кто не знает: на каждом шагу можно услышать.

– У нас оно употребляется не в том смысле, в каком используют уголовники...

Шилов после последнего слова почему-то поморщился и не стал дальше слушать.

– Хватит. Нет у меня времени. Зачем пришел-то?

– Как это? Вы сами сказали, чтобы зашел.

– Ты прав... Извини, совсем тут «зашился»... Ну, первое: насчет подарка в виде иномарки, о чем ты меня просил, я закидывал удочку на заседании исполкома НТПС. Как я понял, особенно никто не возражает. К Рождеству Христову жди.

– Ну, спасибо! Я так рад, Евгений Степанович, так рад, что и слов нет.

– Не сильно радуйся, Олежек. До Рождества еще далеко, так что могу и передумать.

– Нет уж! Вы же обещали, а слово – олово.

– Вот именно, что слово – олово. А олово имеет свойство легко плавиться.

– Но вы же сдержите обещание, да?

– Я буду стараться, но и ты...

– А что я? Я готов всегда вам служить, служить верой и правдой.

– Ловлю на слове, Олежек.

– Что, опять что-то срочное?

– Не столько срочное, вишь ты, сколько очень ответственное.

– Слушаю вас.

– Еще бы не слушать, – Шилов расплылся в самодовольной ухмылке, – с руки ведь кормишься. И щедро кормишься. Разве не так?

Журналист, естественно, промолчал, однако подумал: «Кого и доить, если не таких, как ты?»

Глава 5. Старожил

1

Сидорчук что-то торопливо писал, когда послышался скрип отворяемой двери его кабинета.

– Позвольте войти, господин полковник? – спросил Фомин.

Хозяин встал, дружелюбно улыбаясь, вышел из-за стола и пошел навстречу, заранее протягивая руку для пожатия.

– Конечно, Александр Сергеевич, проходи, присаживайся. Наконец-то удостоил чести быть у меня... Кофе? Чай? Минералку?

– Спасибо, ничего не нужно.

Фомин прошел к столу, выбрал мягкий стул, который, по его мнению, самый надежный, присел. Его выбор оказался удачным: стул под ним выдержал нагрузку, издав лишь слабый скрип. Хозяин кабинета вернулся на свое место.

– Ну-с, что привело? – спросил он, внимательно всматриваясь в лицо подполковника. Наверное, он хотел заранее выяснить: по делу или по долгу вежливости? Увы, лицо пришедшего было совершенно непроницаемым.

– Я к вам, можно сказать, за советом.

Хозяин окончательно расплылся в самодовольной улыбке.

– Готов служить... Буду рад, если мои советы сгодятся.

– Непременно сгодятся, – в тон ему, также улыбнувшись, заметил Фомин. Он слегка приподнялся, придвинул чуть ближе стул, осторожно опустился (ох, уж эта современная мебель!), положил локти на столешницу, сцепив пальцы своих огромных рук (это его любимая поза во время разговора с собеседником). – А иначе и быть не может.

– Внимательно слушаю.

– Господин полковник, вы здесь, если позволите так выразиться, старожил...

Слово «господин» неприятно резануло слух Сидорчука, но все-таки смолчал, и даже бровью не повел, так как ему уже докладывали об этом «пунктике» представителя центра.

– Но и тебя, Сергеич, скоро зачислим в число тагильчан-старожилов.

Фомин поморщился, как при зубной боли.

– Что такое? – участливо спросил Сидорчук. – Зуб заныл? Может, анальгинчику?

– Нет, не надо: так пройдет... Бывает иногда... Вроде, крепкие: гвозди перекусываю, но...

– Напрасно не бережете зубы. Потом аукнется.

Дело было совсем не в зубах. Причина в том, что он не переносил фамильярности людей, с которыми лишь шапочное знакомство и реагировал всегда крайне болезненно. Откуда бы не происходила фамильярность: сверху, то есть от начальства, либо от коллег по службе, а то и младших по чину или возрасту.

– Три месяца – не тридцать лет.

Полковник шумно вздохнул.

– Ты прав: тридцать лет беспорочной службы на ниве борьбы с преступностью, – Фомин снова поморщился, так как не любил в устах других столь высокий штиль речи, хотя себе и позволял иногда. – Я ведь из местных. Вероятнее всего, вы слышали? – не дождавшись ответа, продолжил, так как воспоминания о прошлом – его любимый конек, и он с него не слезал бы, имея благодарного слушателя. – Коренной тагильчанин, горжусь этим. Дед мой Иван Демидович, отец Ефрем Иванович всю жизнь простояли у мартеновской печи завода имени Куйбышева... Сталевары они. По отголоскам, дошедшим до меня, – это были хорошие мастера своего дела... На Гальянке я родился и провел детство: там у нас был дом-пятистенник, построенный еще дедом на премию, полученную из рук самого хозяина завода. Знаете этот микрорайон? – Фомин утвердительно кивнул. – Раньше там был исключительно частный сектор, исключительно рабочий люд проживал. Только сейчас стали на Гальянке один за другим вырастать многоэтажные дома. Вон, и церковь через много лет восстановили. А то стояла бедная, зияя пустыми окнами-глазницами. Мы забирались, помню, на колокольню. С нее весь город, как на ладони. Сколько десятилетий разрушали, а ведь ничего не смогли сделать: умели наши предки строить... И, правду скажу, мы, пацаненки, озорничали. Заберемся, бывало, на звонницу, и особым шиком для

себя считали поссать сверху. Да! – он опять шумно вздохнул.

Фомин тотчас же воспользовался паузой.

– Я пришел затем, чтобы кое-что понять.

Хозяин кабинета не стал дожидаться окончания фразы.

– А что именно ты хотел бы понять? – спросил он, сделав ударение на последнем слове.

– Хотел бы понять, – невозмутимо продолжил Фомин, – характер взаимоотношений власти и исчезнувшего предпринимателя Курдюкова.

– Например? Власть – понятие ёмкое и весьма растяжимое. Тебя кто-то конкретно интересует?

– Так точно.

– Например?

– Некоторые руководители города, я это установил точно, были с названным лицом в близких отношениях, я бы даже сказал, в дружеских...

– Ты о ком? Что ты все ходишь вокруг да около?

– Допустим, глава городской думы... Или мэр города, его первый заместитель... И сей список мог бы продолжать до бесконечности.

– В списке, конечно же, нашлось место и мне.

– Скрывать не имеет смысла.

– Итак, ты говоришь, что властная верхушка города, в том числе и я, была в дружеских отношениях с Курдюковым. Какой смысл ты вкладываешь в слово «в дружеских»?

– Самый прямой смысл. Знаю, что первых лиц города ча-

сто видели в обществе упомянутого мною Курдюкова.

– И что из того? Сейчас, вот, я дружески общаюсь с тобой, а завтра ты совершишь правонарушение. Я, что, обязан буду часть груза ответственности брать на свои плечи? Или как, а? Извини, но скажу тебе прямо: в этом нет ничего удивительного. Интересующее тебя лицо, во-первых, числилось в меценатах, поддерживая дальнейшее развитие спорта, особенно его тяжелых видов: штанга, бокс, борьба. И ты должен знать, что наши, именно наши представители имеют прекрасные результаты, в том числе на всероссийских, европейских и даже мировых чемпионатах.

– Господин полковник, а вы никогда не задавались мыслью о том, почему он не покровительствовал, предположим, гимнастам или другим представителям легкой атлетики?

– Ну, знаешь ли... Мало ли почему... Все имеют свои пристрастия: одни обожают футбол, другие хоккей, третьи, как в данном случае, бокс. Сколько людей, столько и пристрастий. Слава Богу, что хоть в этом люди имеют право выбора: одни – любят, вторые – ненавидят, а третьи – ко всему равнодушны.

– И тем не менее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.